А6 9/15
шкипель

А 69/15

НА КРЕЙСЕРѢ

„НОВИКЪ“

Дневникъ

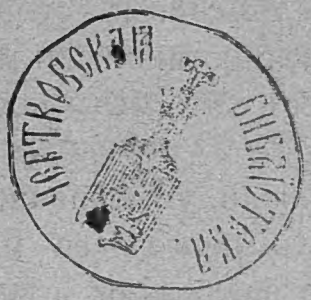
Лейтенанта А. П. Штеръ.

Весь чистый сборъ предназначенъ въ пользу семействъ матросовъ, погибшихъ на „Новикѣ“.

ц. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Сѣверная Печатня“, В. О., 13-я л., № 2.
1908.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
5591.31
М


ЧЕРТКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

17 октября 1907 г. въ г. Владивостокѣ разыгралось кровавое событіе: въ гарнизонѣ крѣпости взбунтовалась минная рота, а на рейдѣ—3 контръ-миноносца, на одномъ изъ которыхъ былъ командиромъ лейтенантъ Штеръ. Зная покойнаго, какъ человѣка твердыхъ убѣжденій, долга и чести, бунтовщики прежде всего рѣшили прикончить съ нимъ и ворвались ночью въ каюту покойнаго. Честный и прямой, покойный умѣлъ относиться къ людямъ съ открытымъ довѣріемъ и былъ слишкомъ далекъ по своему благородному характеру отъ подозрительности и мнительности. Онъ не могъ допустить мысли, чтобы люди, къ которымъ онъ относился съ такой внимательной заботой, могли поступить такъ подло и такъ жестоко. Онъ даже не запиралъ своей каюты и на него первымъ бросился минный содержатель, человѣкъ который былъ ему многимъ обязанъ,—и подъ предательскимъ ударомъ ножа этого человѣка палъ тотъ, кто столько разъ смѣло подставлялъ свою грудь въ открытомъ бою.

А смерть онъ видѣлъ часто. Прочтите въ дневникѣ, какъ тотъ удивительный крейсеръ, имя котораго привыкъ чтить каждый русскій человѣкъ, съ поразительной отвагой вылеталъ на врага и сколько разъ съ невѣроятной смѣлостью, всегда рискуя взлетѣть на своихъ и на чужихъ минахъ, славный „Новикъ“ первый выскакивалъ изъ той мышеловки, что называлась Портъ-Артурскимъ рейдомъ.

Не считаясь съ опасностями, сколько разъ этотъ маленькій крейсеръ рисковалъ своимъ существованіемъ передъ громадными кораблями противника и многочисленной стаей японскихъ миноносцевъ. Это была постоянная игра между жизнью и смертью.

Но у насъ были люди, умѣвшіе смѣло глядѣть въ лицо смерти и не блѣднѣть передъ ея мертвой улыбкой. И когда волны чуждаго намъ моря пѣнились и взметались подъ взлетавшимъ надъ ними птицей отважнымъ крейсеромъ, молодой лейтенантъ зорко вглядывался въ выроставшіе передъ нимъ силуэты непріятельскихъ судовъ, спокойный и твердый, готовый принять ударъ и нанести его. Но роковой конецъ еще не пришелъ для него, и среди тысячи разлетавшихся осколковъ уцѣлѣла молодая жизнь.

Кончилась война. Погибъ „Новикъ“. Совершонъ невѣроятный переходъ по первобытнымъ лѣсамъ и болотамъ Камчатки, такъ просто и картинно описанный авторомъ. Казалось бы, можно было отдохнуть; но энергичная, стремившаяся къ дѣятельности, натура покойнаго не искала отдыха: и вотъ, онъ получаетъ въ командованіе подводную лодку—дѣло новое и опасное. И дѣйствительно, одинъ разъ А. П. Штеръ чуть не погибъ при взрывѣ на лодкѣ, въ другой—едва не затонулъ. Его, какъ выдающагося офицера, одинъ командиръ корабля хотѣлъ взять къ себѣ старшимъ офицеромъ, беря на себя всю отвѣтственность за его назначеніе. Но въ морскомъ главномъ штабѣ отвѣтили: „слишкомъ молодъ“, находя, вѣроятно, по традиціямъ, что на отвѣтственной должности предпочтительнѣе вялость и дряблость. Видя, что въ морскомъ вѣдомствѣ энергичному человѣку труднѣе всего добиться дѣла, лейтенантъ Штеръ вышелъ въ запасъ, но скоро вновь вернулся на службу, чтобы погибнуть подъ ножомъ убійцы. Его похоронили въ родовомъ имѣніи, гдѣ покоится прахъ его дѣда, защитника Севастополя и Георгіевскаго кавалера, адмирала Чебышева. Дѣдъ и внукъ, оба участники двухъ славныхъ страницъ нашей исторіи, легли рядомъ.

Въ запасѣ А. П. Штеръ написалъ свой дневникъ. Онъ не предназначался при жизни покойнаго къ печати. Оттого, можетъ быть, въ немъ столько искренности, простоты и ясности. И это придаетъ особую прелесть всему разсказу, такому же правдивому и вдумчивому, какъ и самъ авторъ, теперь уже спокойный и отстрадавшій.

Эль—Эсъ.

Послужной списокъ

Лейтенанта Андрея Петровича Штера.

Родился въ С.-Петербургѣ, 7 октября 1878 г.

Воспитывался въ морскомъ корпусѣ.

Поступилъ въ морской корпусъ 30 августа 1891 г.

15 сентября 1897 г. произведенъ въ мичманы и зачисленъ въ Сибирскій флотскій экипажъ.

2 апрѣля 1898 г. назначенъ вахтеннымъ начальникомъ на брандвахтенную лодку «Горностай» (13 рейда) съ 3 апрѣля по 29 апрѣля.

29 апрѣля 1898 г. переведенъ съ брандвахты на пароходъ-ледоколъ «Надежный».

18 іюня 1898 г. переведенъ съ парохода-ледокола «Надежный» на транспортъ «Тунгузъ».

18 февраля 1899 г. приказомъ командира Владивостокскаго порта объявлено, что послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе для ношенія на груди пожалованной французскимъ правительствомъ золотой медали.

24 марта 1899 г. назначенъ вахтеннымъ начальникомъ на транспортъ «Ермакъ».

18 мая 1899 г. назначенъ вахтеннымъ начальникомъ на транспортъ «Алеутъ».

17 іюля 1899 г. переведенъ съ транспорта «Алеутъ» на лодку «Манджуръ» вахтеннымъ начальникомъ.

Съ 15 по 27 ноября 1899 г. вахтеннымъ начальникомъ на минный крейсеръ «Всадникъ».

Съ 27 ноября 1899 г. по 1 января 1901 г. вахтеннымъ начальникомъ на лодкѣ «Манджуръ».

28 декабря 1900 г. пожалованъ орденомъ Св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ за участіе въ китайскомъ походѣ.

18 марта 1901 г. произведенъ въ лейтенанты.

Съ 1 Января по 1 іюля 1901 г. вахтеннымъ начальникомъ на мореходной кононерской лодкѣ «Манджуръ».

Съ 1 іюля по 9 октября 1901 г. ротнымъ командиромъ на мореходной канонерской лодкѣ «Манджуръ».

22 октября 1901 г. переведенъ въ Балтійскій флотъ.

Пожалована серебрянная медаль въ память военныхъ событій въ Китаѣ въ 1900—1901 гг.

24 декабря 1901 г. пожалованъ французскій орденъ Камбоджи—офицерскій крестъ, на принятіе и ношеніе коего послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе.

12 января 1902 г. пожалованъ японскій орденъ Священнаго Сокровища 5 ст., на принятіе и ношеніе коего послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе.

10 августа 1902 г. назначенъ въ заграничное плаваніе на крейсеръ «Джигитъ».

19 сентября 1902 г. переведенъ въ 5-й флотскій Е. И. В. Ген.-Ад. Алексѣя Александровича экипажъ.

23 сентября 1902 г. назначенъ ротнымъ командиромъ команды крейсера II ранга «Джигитъ».

Съ 13 августа по 3 декабря 1903 г. на крейсерѣ «Россія».

Съ 3 декабря 1903 г. по 8 августа 1904 г. вахтеннымъ начальникомъ на крейсерѣ II ранга «Новикъ».

10 іюня 1904 г. за бой 12 февраля съ японскими крейсерами награжденъ орденомъ Св. Анны 4-й ст. съ надписью: «За храбрость».

23 ноября 1904 г. за подвиги, мужество и храбрость въ бояхъ 28 іюля и 7 августа на крейсерѣ II ранга «Новикъ» награжденъ золотой саблей съ надписью: «За храбрость».

Съ 10 октября 1904 г. до весны 1905 г. командовалъ ротой, составленной изъ команды «Новика».

Съ марта 1905 г. по мартъ 1906 г. командовалъ (во Владивостокѣ) подводными лодками «Дельфинъ» и «Сомъ».

Въ апрѣлѣ 1906 г. вернулся въ С.-Петербургъ по приказанію морского министра и былъ зачисленъ въ одинъ изъ экипажей въ Кронштадтѣ.

Май и іюнь 1906 г. былъ назначенъ командиромъ миноносца № 121 и плавалъ въ Балтійскомъ морѣ, при чемъ Великій Князь Александръ Михаиловичъ отдалъ приказъ по отряду, которымъ командовалъ:

«Всѣмъ командирамъ брать за образецъ миноносецъ № 121, «блестящее состояніе котораго дѣлаетъ честь лейтенанту Штеру».

24 іюля 1906 г. Высочайшимъ приказомъ по флоту за № 695, зачисленъ въ запасъ флота.

17 января 1907 г. Высочайшимъ приказомъ по флоту, за № 743, опредѣленъ вновь на службу.

10 февраля 1907 г. уѣхалъ во Владивостокъ, гдѣ былъ назначенъ командиромъ контръ-миноносца «Скорый».

17 октября 1907 г. былъ убитъ на контръ-миноносцѣ «Скорый» миннымъ содержателемъ во время безпорядковъ во Владивостокѣ.

29 октября 1907 г. Высочайшимъ приказомъ по флоту, за № 795, исключенъ изъ списковъ убитымъ во время безпорядковъ во Владивостокѣ.

Лейтенантъ Андрей Петровичъ Штеръ.

† 17 октября 1907 г.

Глава I.

Ночная минная аттака 26—27 Января 1904 года.

Каждый разъ, какъ мнѣ мысленно приходится возвращаться ко времени, проведенному въ Портъ-Артурѣ на крейсерѣ 2-го ранга «Новикъ», мнѣ невольно вспоминается та непонятная злоба на нашу эскадру, вѣрнѣе на ея личный составъ, которую высказалъ авторъ пресловутой клеветы, будто японцы потому такъ легко подобрались къ нашимъ судамъ, что офицеры эскадры въ это время, пировали на балу у Начальника эскадры—адмирала Старкъ. Еще болѣе меня поражаетъ то обстоятельство, что общество, такъ довѣрчиво отнесшееся къ такой явной лжи, взглянуло весьма недовѣрчиво на опроверженія, появившіяся въ газетахъ, какъ отъ офицеровъ эскадры, такъ и въ письмѣ отъ супруги адмирала Старкъ,—до сихъ поръ приходится слышать негодующіе возгласы по этому поводу.

Между тѣмъ, простымъ логическимъ разсужденіемъ можно придти къ заключенію, что никакіе балы въ мірѣ не могли бы измѣнить хода событій ни въ ту, ни въ другую сторону.

Допустимъ сначала, что офицеры въ эту ночь дѣйствительно «пировали». Каждый, кто мало-мальски знакомъ съ тѣмъ, что такое флотъ и что такое морская служба, знаетъ, что офицеры увольняются съ судна на берегъ, каждый разъ, по личному разрѣшенію старшаго офицера и съ вѣдома командира, при чемъ никакъ не болѣе поло-

вины состоящаго на кораблѣ состава; также и командиръ никогда не съѣзжаетъ на берегъ одновременно съ старшимъ офицеромъ, замѣняющимъ командира въ его отсутствіе (я не говорю про мелкія суда: миноносцы, лодки и т. п.). На военныхъ судахъ существуетъ постоянная вахта (дежурство) офицеровъ, состоящая изъ одного, а иногда, при достаточномъ числѣ, изъ двухъ офицеровъ; эти вахтенные офицеры не только не съѣзжаютъ на берегъ, но никогда не спускаются съ мостика или палубы, ѣдятъ только по окончаніи своей вахты, а тѣмъ болѣе не ложатся спать. Нельзя допустить мысли, что именно вахтенная служба на судахъ не исполнялась и что вахтенныхъ офицеровъ не было на своихъ мѣстахъ: въ такомъ случаѣ надо допустить, что всѣ начальствующія лица вошли въ стачку съ своими подчиненными.

Кромѣ того, на суднѣ обязательно остается офицеръ, которому надлежитъ заступить слѣдующую вахту,—а также тотъ, кто отстоялъ свою вахту,—на случай неожиданной необходимости смѣнить вахтеннаго офицера. Изъ сказаннаго уже достаточно ясно, что всѣ офицеры не могли быть на берегу, даже въ томъ случаѣ, если начальство сдѣлало послабленіе и отпустило на берегъ больше положеннаго числа офицеровъ.

Въ помощь вахтеннымъ офицерамъ назначается извѣстное число матросовъ, изъ которыхъ нѣсколько сигнальщиковъ заняты исключительно наблюденіемъ за происходящимъ въ морѣ и на рейдѣ.

Итакъ, даже въ мирное время, допустивъ, что офицеры находились на балу, на военномъ кораблѣ всегда имѣется достаточно бодрствующихъ людей для несенія дозорной службы.

Въ дѣйствительности же дѣло обстояло совершенно иначе.

Просматривая свои письма съ крейсера «Новикъ», я нашелъ одно, отъ 23-го Января, въ которомъ жалуюсь на стѣсненія послѣдняго времени, выразившіяся въ томъ,

что офицеровъ отпускаютъ на берегъ только до 8 часовъ вечера; вспоминаю также въ этомъ письмѣ случай, какъ однажды офицеръ опоздалъ къ положенному времени и на пристани звалъ шлюпку съ своего корабля; на слѣдующій день адмиралъ, слышавшій этотъ несвоевременный призывъ, объявилъ командиру выговоръ въ приказѣ за то, что офицеры не исполняютъ распоряженій начальника эскадры. Такимъ образомъ, въ день аттаки 26-го Января всѣ офицеры были на своихъ корабляхъ въ 8 часовъ вечера и ни о какомъ балѣ не могло быть рѣчи; мало того, не смотря на мирное время, охрана рейда, сторожевая и вахтенная служба были усилены, на судахъ была заряжена часть орудій, у которыхъ постоянно находились комендоры на случай тревоги; горнистъ и барабанщикъ неотступно находились вблизи вахтеннаго начальника для подачи сигналовъ.

Меня могутъ спросить: почему же японскіе миноносцы прошли незамѣченными или замѣченными слишкомъ поздно, если на судахъ были сдѣланы такія приготовленія? Объясняется это, по-моему, довольно просто.

Представимъ себѣ, что на облавѣ охотника-новичка поставили на номеръ и руководитель твердитъ все время, что готовиться еще рано, такъ какъ загонщики еще не начинали гона; затѣмъ охотникъ слышитъ крики загонщиковъ и проситъ разрѣшенія зарядить ружье, но руководитель объясняетъ, что загонщикамъ надо пройти очень большое разстояніе, такъ что звѣря ожидать можно не скоро; наконецъ, охотникъ не выдерживаетъ и заряжаетъ ружье, но и тутъ руководитель совѣтуетъ не волноваться, пока еще можно-де покурить и посидѣть, что крупный звѣрь сразу не выходитъ, а сначала появляется маленькая дичь, пробѣжитъ заяцъ или лиса... и вдругъ въ этотъ моментъ съ трескомъ и грохотомъ проносится кабанъ,— естественно, новичекъ сначала теряется, затѣмъ начинаетъ стрѣлять, но поздно; звѣрь успѣлъ уйти. Тогда онъ оборачивается съ укоризной къ своему зазѣвавшемуся руко-

водителю, но того и слѣдъ простылъ: онъ стоитъ съ другими старыми охотниками и за ихъ спиной надъ нимъ же глумится.

Совершенно то же самое произошло въ Портъ-Артурѣ. Вмѣсто того, чтобы постоянно намъ твердить о возможности войны, о необходимости принять всѣ мѣры и удвоить вниманіе, насъ все время увѣряли, что никакой войны не будетъ, что переговоры идутъ въ миролюбивомъ тонѣ и что можно спокойно спать. Обвинять въ этомъ Начальника эскадры, конечно, можно, но не лучше-ли обратиться къ слѣдующей инстанціи? Въ данномъ случаѣ Начальникъ эскадры является не болѣе, какъ стрѣлочникомъ. Въ Артурѣ находился въ это время Намѣстникъ, который считался Начальникомъ морскихъ силъ, и ему должна была принадлежать инціатива держать флотъ въ готовности къ войнѣ; а между тѣмъ, онъ прислалъ въ 11 часовъ вечера 26-го Января своего Начальника Штаба на адмиральскій корабль съ телеграммой изъ Петербурга, въ которой говорилось, что всѣ недоразумѣнія уладятся мирнымъ путемъ и что война будетъ, во всякомъ случаѣ, отклонена. Въ эту же ночь, въ $12^1/_2$ часовъ раздался первый выстрѣлъ.

Телеграмма была изъ Петербурга, который самостоятельно велъ переговоры, нисколько не интересуясь мнѣніями людей, близко стоявшихъ къ дѣлу на мѣстѣ, а потому и адмирала Алексѣева особенно винить никто не имѣетъ права.

Такимъ образомъ, эскадра оказалась въ положеніи того новичка, котораго увѣряли, что до открытія огня еще далеко и который все-таки рѣшился принять хоть нѣкоторыя мѣры. Естественно, что послѣ всѣхъ успокоительныхъ увѣреній изъ Петербурга, эскадра не допускала мысли о приближеніи миноносцевъ съ враждебными цѣлями и приняла ихъ за свои, будто бы возвращающіеся изъ дозора.

Когда непріятельскіе миноносцы уже отчасти сдѣ-

лали свое дѣло, передовые корабли, послѣ нѣкотораго колебанія, открыли огонь. Остальные же суда эскадры, стоявшей въ три или даже четыре линіи, что вовсе недопустимо при возможности минной атаки, совершенно не знали, почему передовая линія открыла стрѣльбу.

26-го Января я стоялъ на вахтѣ съ 12 до 4 часовъ ночи; при первомъ выстрѣлѣ я приказалъ находившемуся около меня барабанщику пробить на всякій случай тревогу; командиръ и офицеры съ недоумѣніемъ выбѣжали наверхъ, не понимая, съ чего это я вздумалъ шумѣть по ночамъ. Услыхавъ выстрѣлы, командиръ распорядился развести пары, такъ что, когда Начальникъ Эскадры далъ намъ объ этомъ сигналъ, пары были уже готовы, и мы снялись съ якоря преслѣдовать непріятеля, но его уже и слѣдъ простылъ.

Впослѣдствіи я слышалъ, будто Начальникъ эскадры просилъ рапортомъ разрѣшенія Намѣстника перестроить эскадру въ боевой порядокъ изъ той мирной кучи, въ которой она стояла, но на этомъ рапортѣ Намѣстникъ написалъ: «преждевременно». Правдивость этого слуха можетъ подтвердить только флагъ-капитанъ Начальника Эскадры, у котораго эта бумага должна была сохраниться. Во всякомъ случаѣ, тутъ можно обоихъ признать неправыми: Начальнику эскадры нечего было спрашивать разрѣшенія въ дѣлѣ, исполненіе котораго онъ, по своему положенію, имѣлъ право взять на себя; ну, а разъ было спрошено, то Намѣстникъ не могъ имѣть достаточнаго основанія это запрещать. Между тѣмъ, положеніе эскадры въ боевомъ порядкѣ, т. е. въ одной линіи кругомъ всего рейда, вполнѣ гарантировало бы ее отъ минныхъ аттакъ. Это и подтвердилось блестящимъ образомъ 10-го Іюня 1905 года, когда на эскадру, стоявшую именно въ указанномъ порядкѣ, всю ночь отъ захода солнца и до разсвѣта, японцы производили минныя аттаки, но всѣ онѣ были отбиты съ несомнѣннымъ урономъ для непріятеля; ни одинъ миноносецъ не былъ допущенъ на разстояніе

миннаго выстрѣла. Такой результатъ во многомъ зависѣлъ и отъ вниманія личнаго состава, не усыпленнаго мирными дипломатическими телеграммами.

Въ ночной аттакѣ 26—27 Января у насъ не было утоплено ни одного судна, всѣ, получившія поврежденія. были въ короткое время исправлены (не смотря на ничтожныя средства, имѣвшіяся въ Портъ-Артурѣ); а между тѣмъ, японцы могли бы перетопить всѣ корабли по очереди, если бы личный составъ не находился на своихъ мѣстахъ и не исполнялъ бы своего долга.

Глава II.

Бой 27-го января 1904 года.

Этотъ день, собственно говоря, надо считать дѣйствительнымъ началомъ войны, такъ какъ бывшее наканунѣ ночное нападеніе миноносцевъ на нашу эскадру нельзя назвать войной,—это, можетъ быть, очень практичный, но въ въ высшей степени безчестный способъ объявленія начала военныхъ дѣйствій; хотя англичане и говорили. что они на мѣстѣ японцевъ поступили бы совершенно также, но на то они и англичане, поступки которыхъ по отношенію къ другимъ державамъ никогда нельзя было назвать порядочными. Такъ, англичане совершенно искренно удивлялись, какъ это русскіе не догадались потопить «нечаянно» «Ниссинъ» и «Кассугу» (крейсера, купленные японцами у Аргентинской республики), до объявленія войны, когда крейсера эти находились въ европейскихъ водахъ.

Утромъ 27-го Января Начальникъ эскадры былъ еще съ докладомъ у Намѣстника о ночной аттакѣ и ея послѣдствіяхъ, когда на горизонтѣ показались непріятельскіе корабли,—это были развѣдочные крейсера, присланные провѣрить результатъ ночного нападенія; встрѣченные

огнемъ нашей эскадры, крейсера удалились, убѣдившись, что нѣсколькихъ судовъ нашей эскадры не хватаетъ. Этого имъ только и нужно было. Немедленно на горизонтѣ стали появляться дымки,—собиралась вся эскадра японская; въ 11 часовъ увидѣли крейсеръ «Бояринъ», который полнымъ ходомъ уходилъ отъ японцевъ и держалъ сигналъ о приближеніи къ Артуру непріятеля въ большомъ числѣ. Начальникъ эскадры какъ разъ во время успѣлъ подъѣхать на катерѣ, высадился на свой броненосецъ и эскадра снялась съ якоря, чтобы вступить въ первый бой.

Не смотря на то, что непріятель превышалъ насъ значительно въ силѣ, все-таки положеніе наше было выгоднѣе.

Японцы настолько близко подошли къ Артуру, что береговыя батареи,—не всѣ, конечно, но часть ихъ,—могли принять участіе въ бою, а главнымъ образомъ, выгода наша заключалась въ нравственномъ отношеніи, именно въ сознаніи, что за спиной находится крѣпость, тогда еще полная силъ и желанія бороться. Японцы же были сравнительно далеко отъ своихъ береговъ и поврежденному кораблю не было бы иного убѣжища, кромѣ дна морского. Каждому понятно, какое огромное значеніе имѣетъ подобное сознаніе во всякомъ бою.

Дѣйствительно, японцы, которымъ приходилось одновременно стрѣлять по судамъ и по батареямъ, не могли вести сосредоточеннаго огня, или же у нихъ не была еще выработана система, которой они придерживались впослѣдствіи, система сосредоточиванія огня всей эскадры на одномъ кораблѣ. Во всякомъ случаѣ, стрѣльба ихъ была въ высшей степени безпорядочная и не приносила вреда; нѣсколько попавшихъ снарядовъ не причинили намъ серьезныхъ поврежденій, кромѣ развѣ крейсера «Новикъ» которому 8″ снарядъ такъ разорвалъ бокъ, что пришлось прекратить бой и 10 дней чиниться въ докѣ. Выходъ изъ строя «Новика», не смотря на всю храбрость его коман-

дира, не могъ имѣть, конечно, рѣшающаго значенія въ этомъ бою, такъ какъ крейсеръ съ такими слабыми силами, какъ «Новикъ» (6 орудій по 120 $^{m}/_{m}$), не представляетъ изъ себя эскадреннаго боевого судна, а можетъ служить лишь какъ развѣдочный крейсеръ или для отраженія миноносцевъ, что онъ неоднократно впослѣдствіи и доказывалъ, будучи положительно грозою японскихъ миноносцевъ. Громкая слава, которую «Новикъ» заслужилъ съ перваго же боя, принадлежитъ, конечно, командиру, а не кораблю, такъ какъ командиръ, не смотря на положительно ничтожную артиллерію, сравнительно съ громадными японскими броненосцами, бросался вдоль линіи непріятельскаго флота, дѣйствительно подходя на наименьшее разстояніе, наблюдавшееся мною за все время войны.

Однимъ словомъ, я хочу сказать, что наша эскадра, не смотря на слабѣйшія силы, пострадала гораздо меньше японской и находилась въ болѣе выгодныхъ условіяхъ. Изъ этого можно было бы извлечь большую пользу, но моментъ былъ пропущенъ, и я не берусь судить, на кого собственно ложится въ этомъ вина: на Начальника-ли эскадры, или же на Намѣстника, который руководилъ боемъ съ Золотой Горы.

Дѣло въ томъ, что японскій флотъ проходилъ мимо Артура въ одной кильватерной колоннѣ, при чемъ легкіе корабли шли въ хвостѣ этой колонны. Когда броненосцы уже прошли Артуръ, слабые сравнительно крейсера находились еще полностью въ сферѣ огня нашей эскадры и батарей, и будь у начальниковъ нашихъ больше энергіи и боевой сообразительности, можно бы было произвести общую аттаку на концевые корабли, смять ихъ или отрѣзать отъ броненосцевъ и тѣмъ вызвать вторичное приближеніе японскаго флота. Между тѣмъ, былъ сдѣланъ сигналъ: «миноносцамъ аттаковать непріятеля», что было уже совсѣмъ опрометчиво, такъ какъ аттаковать непріятельскую эскадру днемъ, да еще тѣмъ небольшимъ количествомъ миноносцевъ, которое у насъ имѣлось въ Артурѣ,

положительно не было возможности,—ни одинъ миноносецъ не дошелъ бы на минный выстрѣлъ.

Послѣ нѣкотораго раздумья, когда миноносцы уже снялись съ якоря, чтобы выполнить приказаніе, сигналъ былъ отмѣненъ,—видимо, начальники совершенно растерялись и не знали, что же собственно надо въ такихъ случаяхъ дѣлать. Пока все это происходило, японская эскадра ушла далеко и больше, конечно, не возвращалась, такъ какъ первый опытъ вышелъ у нихъ очень неудачнымъ: суда ихъ получили значительныя поврежденія и ушли въ Японію приводить себя въ порядокъ. Если бы у насъ тактика сразу изъ оборонительной перешла хоть немного въ наступательную,—надо думать, что вся война получила бы другой оборотъ.

Описать самый бой, какъ личное впечатлѣніе, по-моему, невозможно: слишкомъ много сильныхъ ощущеній получается одновременно, слишкомъ быстра смѣна впечатлѣній, чтобы связный разсказъ могъ передать дѣйствительно весь эффектъ боя. Одновременно видишь взрывы снарядовъ въ водѣ, которые даютъ громадные водяные фонтаны кругомъ судна; упавшій рядомъ съ бортомъ снарядъ окачиваетъ водой съ ногъ до головы; чувствуешь сотрясеніе отъ взрыва попавшаго въ бортъ снаряда, мелькаютъ мысли о значительности поврежденія, о способѣ задѣлать полученную пробоину; изрѣдка видишь высоко пролетающій съ гуломъ снарядъ большого орудія; проносится стонъ раненаго; несутъ носилки; рѣзкій звукъ своихъ орудій, отдаленный грохотъ непріятельскихъ, постоянное сознаніе, что смерть или тяжелое увѣчье носится надъ головой,—всѣ эти мысли и впечатлѣнія проносятся буквально одновременно въ головѣ, а между тѣмъ, дѣло идетъ своимъ чередомъ: направляешь огонь, даешь прицѣлъ, исправляешь мелкія поврежденія въ установкахъ орудій,—ясно, что при послѣдовательномъ разсказѣ полнаго впечатлѣнія боя дать нельзя. Можно вывести только общее заключеніе, что война явленіе потрясающее, въ осо-

бенности на морѣ, и что результатъ современнаго боя очень мало зависитъ отъ подчиненныхъ, а главнымъ образомъ отъ начальника. Конечно, большую роль играетъ опытность комендоровъ въ стрѣльбѣ, правильно опредѣляемое разстояніе до противника, разумное руководство въ скорости стрѣльбы и т. д. Но какое все это можетъ имѣть значеніе, если начальникъ не желаетъ драться, а только отмахивается отъ непріятеля, какъ отъ назойливой мухи? Такое отношеніе къ дѣлу было все время замѣтно въ Портъ-Артурѣ; ни разу начальство не рѣшилось на серьезное дѣло, все время проглядывало желаніе сохранить какъ можно больше кораблей и людей и свою собственную жизнь въ придачу. Въ дѣйствительности же все выходило какъ разъ наоборотъ.

Когда эскадра ведетъ бой въ кильватерной колоннѣ (самый употребительный строй въ этой войнѣ), какую иниціативу, какую храбрость можетъ проявить командиръ каждаго судна въ отдѣльности? Положительно никакой. Все его дѣло заключается въ томъ, чтобы стоять на мостикѣ и терпѣливо ожидать своей смерти. Что же говорить послѣ этого про остальныхъ офицеровъ, которые принимаютъ участіе въ бою? Каждый дѣлаетъ свое дѣло, какъ онъ это привыкъ дѣлать ежедневно на ученіяхъ; увлеченія же, подъема духа, столь необходимаго въ каждомъ бою, не можетъ быть при современной морской войнѣ. Въ одиночномъ сраженіи дѣло немного измѣняется: тутъ командиръ—хозяинъ положенія и имѣетъ возможность выказать свое умѣнье управлять судномъ и ставить его въ наиболѣе выгодное положеніе. Но даже въ одиночномъ бою при современномъ кораблѣ не можетъ быть тѣхъ мудреныхъ эволюцій, какія приходилось продѣлывать парусным судамъ, и все въ концѣ-концовъ зависитъ отъ числа удачно попавшихъ снарядовъ; относительно же личнаго состава положеніе не мѣняется: въ душѣ-то очень страшно и готовъ спрятаться куда-нибудь подальше, да уйти некуда,—всѣ на виду, всѣ въ одинаковомъ положеніи; у

всѣхъ сознаніе, что если и не убьютъ, то все равно утонешь, какъ оно и было съ «Суворовымъ», «Бородино» и «Александромъ III». Вся храбрость, стало быть, заключается только въ умѣньи скрывать свои чувства и оставаться хладнокровнымъ и спокойнымъ, не смотря на смерть и ужасъ, который царитъ кругомъ. Но такая храбрость все равно дѣлу не поможетъ. Вотъ почему морская война и возмутительна, что тутъ нѣтъ увлеченія, нѣтъ оправданія въ убійствѣ вліяніемъ аффекта, что въ большинствѣ случаевъ бываетъ въ сухопутныхъ сраженіяхъ, когда люди видятъ другъ друга, иногда сходятся вплотную и хотя бы изъ чувства самосохраненія бросаются отважно въ бой, чтобы не дать себя зарѣзать, какъ барана,—нѣтъ, тутъ хладнокровное, расчетливое убійство, безъ всякаго возбужденія, на разстояніи 10—15, а иногда и больше, верстъ, когда не только что не видишь противника-человѣка, но и самое судно непріятельское съ трудомъ различаешь на горизонтѣ.

На «Новикѣ» былъ собственный оркестръ музыки, составленный еще въ Германіи во время постройки, на средства командира и офицеровъ. Музыка во время боя дѣйствуетъ на всѣхъ въ высшей степени ободряющимъ образомъ. Когда «Новикъ» съ гимномъ возвращался въ гавань послѣ боя, отовсюду неслись привѣтные клики, въ особенности съ береговыхъ батарей, откуда всѣ дѣйствія обоихъ флотовъ были видны, какъ на ладони. По разсказамъ этихъ очевидцевъ, «Новикъ» настолько близко подходилъ къ непріятельской эскадрѣ, сравнительно съ остальными судами, что предположили съ нашей стороны минную аттаку. Воображеніе зрителей настолько разыгралось, что они готовы были присягнуть, что видѣли, какъ одинъ изъ непріятельскихъ крейсеровъ перевернулся.

Вольнонаемный капельмейстеръ нашего оркестра до такой степени увлекся войной, что категорически отказался уходить съ «Новика», а просилъ на слѣдующій разъ выдать ему ружье,—должно быть вмѣсто дирижерской палочки.

Въ тотъ же день, по окончаніи боя, «Новика» на буксирѣ портовыхъ катеровъ ввели въ гавань; предстояла серьезная починка, надо было нѣсколько листовъ обшивки борта совершенно перемѣнить.

Въ теченіе 10 дней, при спѣшной работѣ днемъ и ночью, портовыми мастеровыми пробоина была задѣлана, и японцы были непріятно изумлены, когда мы снова показались на рейдѣ. По крайней мѣрѣ, они сами впослѣдствіи сознавались, что считали «Новика» въ этотъ день утопленнымъ.

Глава III.

Дѣятельность флота до пріѣзда адмирала Макарова. Брандеры.

Послѣ перваго боя 27-го Января японцы долго не возвращались и въ Артурѣ потянулись унылые дни для флота, который около двухъ недѣль не проявлялъ почти никакой дѣятельности, кромѣ починки поврежденныхъ минами судовъ, да миноносной сторожевой службы. Кстати сказать, исправленіе броненосцевъ, поврежденныхъ во время ночной аттаки 26-го Января, было выполнено блистательно. Въ сухомъ докѣ броненосцы не помѣщались. новый же докъ былъ еще въ зачаточномъ состояніи. Разсказываютъ, будто адмиралъ Алексѣевъ, въ бытность свою Намѣстникомъ, неоднократно требовалъ асигнованія суммъ на увеличеніе Артурскихъ мастерскихъ и постройку дока, но изъ Петербурга отвѣчали отказомъ, мотивируя этотъ отказъ тѣмъ, что чинить-то ничего не придется, а въ особо необходимомъ случаѣ можно послать броненосецъ въ Японію, гдѣ имѣются прекрасно оборудованныя мастерскія и доки всевозможныхъ величинъ. Хотя это только слухъ, но долженъ сознаться, что подобные отвѣты могли создаваться подъ нашимъ адмиралтейскимъ шпицемъ.

За отсутствіемъ доковъ, пришлось пуститься на изобрѣтательность: примѣнили хотя давно извѣстные, но до сихъ поръ почти не употреблявшіеся для такихъ серьезныхъ работъ, кессоны. Первый кессонъ, построенный для одного изъ броненосцевъ, оказался, конечно, неудачнымъ: не расчитали крѣпости стѣнокъ и его продавило. Неудача не обезкуражила инженеровъ и дальнѣйшія работы были произведены уже безъ ошибокъ и настолько быстро, что въ докѣ совершенно не чувствовалось недостатка. Всѣ поврежденныя суда, даже миноносцы, исправлялись въ кессонахъ; относительно же исправленія «Ретвизана», «Цесаревича» и «Паллады», получившихъ минныя пробоины, не знаю, что собственно было бы скорѣе: вводить ихъ поочередно въ докъ или исправлять одновременно въ кессонахъ. Мнѣ кажется, что послѣднее было все-таки скорѣе.

Усиленная дѣятельность проявлялась только на береговомъ фронтѣ, такъ какъ ожидали немедленной высадки японцевъ, а, какъ извѣстно, батареи и вообще защиты съ суши въ Артурѣ почти не существовало, кромѣ естественныхъ высотъ, на которыхъ были вколочены колышки, съ обозначеніемъ на картѣ, что въ будущемъ на этихъ мѣстахъ предполагается строить форты.

Работы по укрѣпленію Артура съ суши, насколько я могъ замѣтить, пережили два періода возбужденія: первый—тотчасъ послѣ объявленія войны, когда ожидали высадки и нападенія со стороны Дальняго; затѣмъ, видя, что японцы не торопятся съ высадкой, рѣшили, что наступленія съ берега вовсе не предвидится, такъ какъ японцы всѣ силы сосредоточили на Ялу и посылать имъ къ Артуру некого. Работы затихли, но вспыхнули съ новою энергіей, когда японцы въ нѣсколько дней неожиданно отрѣзали Портъ-Артуръ, едва не закупоривъ въ немъ Намѣстника. Въ работахъ дѣятельное участіе принималъ флотъ; съ судовъ снимали орудія и устанавливали ихъ на береговыхъ позиціяхъ, при чемъ работали матросы и офицеры съ крейсеровъ.

Помню, какъ и на долю «Новика» выпало построить батарею изъ пяти 75$^{m}/_{m}$ пушекъ; ежедневно часть команды съ офицеромъ отправлялась на передовыя позиціи и строила фортъ. Какъ-никакъ, а построить фортъ съ пятью орудіями довольно сложная задача для неспеціалиста, тѣмъ болѣе для моряка, которому когда-то въ корпусѣ дали легкій намекъ на фортификацію. Присмотра и руководства при постройкѣ почти не было, и только когда батарея была совершенно готова и орудія установлены на собранныхъ своими же средствами платформахъ, пріѣхалъ инженеръ, котораго положительно рвали на части по всему фронту, и нашелъ, что все построено по всѣмъ правиламъ науки, только одна пушка почему-то оказалась въ мертвомъ углѣ, такъ что ее пришлось перенести въ другое мѣсто. Занятіе это все-таки разнообразило жизнь, полную томительнаго ожиданія и неизвѣстности. По крайней мѣрѣ, я всегда съ удовольствіемъ отправлялся въ подобныя экскурсіи, да и команда, повидимому, была довольна этимъ моціономъ. Положимъ, приходилось иногда бѣгомъ возвращаться версты 3—4 на крейсеръ, когда неожиданно получалось приказаніе «Новику» выйти въ море, но это только еще болѣе придавало бодрости и энергіи. Надо сознаться, что начальство, какъ морское, такъ и военное, злоупотребляло «Новикомъ» иногда безъ всякаго смысла: что бы ни случилось,—поднимаютъ сигналъ: «Новику» развести пары; идутъ брандеры—«Новику» приготовляться къ походу; показался дымъ на горизонтѣ.—«Новику» выйти въ море; адмиралъ видѣлъ дурной сонъ,—«Новику» сняться съ якоря. До такой степени сигналы эти были части и въ большинствѣ случаевъ неожиданны, что ни люди, ни офицеры не поспѣвали достаточно быстро собраться; тогда рѣшили дать намъ въ распоряженіе мачту на Золотой Горѣ, которую отовсюду видно. Какъ только являлась необходимость въ «Новикѣ», — на этой мачтѣ подымаютъ его позывныя; значитъ, бросай все и бѣги на корбль.

Какъ-то разъ случилось мнѣ увидѣть этотъ сигналъ изъ окна бани,—такъ почти не снявши мыла пришлось одѣться и бѣжать домой.

Надо отдать справедливость морякамъ, что если они и не всегда могли выказать сообразительность при совершенно необычной для нихъ постройкѣ батарей, зато для переноски тяжестей они были незамѣнимы, проявляя удивительную сметку. Какъ-то надо было перенести 6″ орудіе черезъ крѣпостной ровъ: орудіе тяжелое, ровъ широкій и глубокій; начальство нашло нужнымъ позвать инженера. Тотъ думалъ, гадалъ и рѣшилъ, что ему нужно время для вычисленія и составленія смѣты, послѣ чего онъ можетъ приступить къ постройкѣ моста или иного приспособленія. Морской офицеръ, сопутствовавшій орудіе, предложилъ свои услуги, позвалъ боцмана, поставили стрѣлы и черезъ полчаса орудіе было на другой сторонѣ рва,—къ большой досадѣ инженера, который никакъ не могъ допустить, чтобы можно было употребить бревно на стрѣлу, не вычисливъ предварительно его сопротивленія, упругости и еще чего-то.

Очень много проявилъ энергіи и умѣнья лейтенантъ Хоменко, на котораго возложили вообще самыя трудныя работы по подъему орудій на большія высоты. Не имѣя никакой технической подготовки, одною сметкой и неутомимою энергіей, онъ проводилъ рельсовые пути на громадныя высоты и втаскивалъ туда съ матросами такія тяжести, какъ напримѣръ 9-дюймовое орудіе съ установкой; пушки ставились на такія вершины горъ, что добраться до нихъ можно было только ползкомъ, упираясь колѣнями въ выступы и подтягиваясь на рукахъ за вѣтки и траву.

Убѣдившись въ неприступности нѣкоторыхъ фортовъ собственными глазами, какъ, напримѣръ, «Орлиное Гнѣздо», я совершенно отказываюсь понимать, какъ могли японцы брать штурмомъ такія позиціи, сколько они должны были при этомъ потерять людей и каково должно

было быть ихъ упорство, чтобы по ихъ трупамъ добираться на такую крутизну.

Во время вооруженія берегового фронта меня поражала неподготовленность и полная неосвѣдомленность артиллерійскаго начальства объ имѣемыхъ запасахъ снарядовъ, пушекъ и т. п.

Морской артиллеріи полковникъ Меллеръ неоднократно производилъ сенсацію своими необычайными находками, о которыхъ совершенно не подозрѣвала крѣпостная артиллерія, во главѣ съ генераломъ Бѣлымъ. Находки эти были до такой степени неожиданны и значительны, что полковнику Меллеру приписали обладаніе волшебной палочкой для нахожденія кладовъ. Онъ не только находилъ громадные запасы снарядовъ, но цѣлые склады совершенно годныхъ къ употребленію орудій, скрытыхъ въ бывшихъ китайскихъ арсеналахъ.

Въ этихъ случаяхъ артиллерійское управленіе еще могло имѣть оправданіе въ томъ, что оно не могло подозрѣвать о запасахъ, скрытыхъ китайцами во время передачи Портъ-Артура, но вотъ примѣръ, который вполнѣ характеризуетъ отношеніе къ дѣлу: потребовалось полковнику Меллеру нѣсколько штукъ, а можетъ быть нѣсколько десятковъ, особыхъ телѣжекъ для перевозки большихъ снарядовъ. Зная, гдѣ онѣ находятся, онъ, чтобы не терять даромъ времени, взялъ сколько ему понадобилось, но, не желая вызывать на себя нареканій, написалъ бумагу, съ просьбой разрѣшить ему воспользоваться телѣжками. Каково же было его изумленіе, когда на слѣдующій день онъ получилъ отвѣтъ на свою бумагу, въ которой артиллерійское начальство извиняется въ невозможности исполнить его просьбу за полнымъ неимѣніемъ въ крѣпости просимаго. А телѣжки, между тѣмъ, уже давно возятъ и возятъ снаряды.

Неоднократно приходилось мнѣ удивляться неутомимой энергіи этого человѣка; съ ранняго утра можно было найти его на работахъ,—то на фортахъ, то на судахъ

флота, то въ мастерскихъ, а по вечерамъ онъ еще находилъ время заниматься музыкой, чѣмъ доставлялъ всѣмъ большое удовольствіе въ скучные вечера. На фортахъ онъ устанавливалъ пушки, имъ же самимъ гдѣ-то добытыя, въ мастерскихъ заготовлялъ станки для мелкой артиллеріи, имъ же была увеличена дальность боя 10-дюймовыхъ орудій на электрическомъ утесѣ; наконецъ, онъ же собралъ и производилъ испытанія давно заброшенной подводной лодки Држевецкаго, при чемъ чуть было не утонулъ; послѣ этого начальникъ эскадры запретилъ ему производить подобные опыты, не желая безцѣльно потерять столь нужнаго человѣка.

Приходится только пожалѣть, что ему по разстроенному здоровью пришлось покинуть Артуръ. Несомнѣнно, онъ еще много могъ бы принести пользы.

Дѣятельность флота выражалась въ это время только сторожевою службой миноносцевъ, да отраженіемъ брандеровъ, въ которомъ принимали участіе главнымъ образомъ «Ретвизанъ», стоявшій въ это время на мели въ проходѣ, и сторожевая канонерская лодка, не говоря, конечно, про береговыя укрѣпленія морскаго фронта.

Первая попытка японцевъ заградить пароходами выходъ изъ Портъ-Артура была произведена, если не ошибаюсь, въ ночь съ 10 на 11 Февраля. Ничего подобнаго никто ожидать не могъ. Была темная, безлунная ночь; городъ, рейдъ и корабли были погружены въ непроницаемый мракъ; нигдѣ ни огонька, ни свѣтлой точки, все закрыто гдѣ ставнями, гдѣ затянуто матеріей. Предосторожности эти были приняты для того, чтобы японцамъ не давать съ моря точно оріентироваться. На судахъ, стоявшихъ въ гавани, мирно спали, только на «Ретвизанѣ» продолжалось «всенощное бдѣніе», такъ какъ, находясь передъ открытымъ выходомъ, онъ ежеминутно подвергался опасности минной аттаки. Въ 3 часа ночи, разбуженный какимъ-то непонятнымъ шумомъ, грохотомъ и возгласами, я поднялся на палубу и глазамъ моимъ представилась

совершенно феерическая картина: черное небо бороздили во всѣ стороны лучи прожекторовъ съ «Ретвизана» и батарей; всѣ вершины горъ, на которыхъ находятся форты, были покрыты огненными языками; стрѣльба шла по всему морскому фронту. Команда и офицеры толпились на палубѣ, совершенно недоумѣвая, что собственно происходитъ; каждый строилъ свои предположенія, но кто нападаетъ и откуда—разобрать было невозможно. Поднялся я на мачту, откуда мнѣ былъ видѣнъ выходъ изъ гавани и уголокъ рейда, но кромѣ взрывовъ падающихъ снарядовъ ничего не могъ разобрать. Наконецъ, послѣ одного изъ залповъ «Ретвизана» увидѣли мы громадной трехмачтовый пароходъ, въ который «Ретвизанъ» почти вплотную выпустилъ два 12-дюймовыхъ снаряда; раздался взрывъ и моментально вся передняя палуба парохода была объята пламенемъ, который далеко освѣтилъ окружающее пространство, еще болѣе оттѣняя этимъ темноту ночи. Тутъ только мы поняли, что японцы придумали безумное по своей смѣлости предпріятіе затопить въ проходѣ Артура нѣсколько пароходовъ и тѣмъ преградить выходъ нашей эскадры. Моментъ былъ дѣйствительно критическій: надо было принять всѣ мѣры, чтобы эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Снарядовъ въ эту ночь было выпущено громадное количество, но приходится сознаться, что остановить пароходъ или помѣшать ему одними снарядами невозможно: для этого надо, чтобы попаданія были ниже ватерлиніи, т. е., чтобы пробоины получались подводныя; надводныя же пробоины для коммерческаго парохода, къ тому же нагруженнаго камнями, никакого значенія не имѣютъ, а могутъ только повліять на личный составъ, Но на японцевъ, видимо, не дѣйствовали градомъ сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ снаряды и пароходы быстро подвигались къ своей цѣли. Къ нашему благополучію ни одинъ изъ пароходовъ не попалъ удачно и всѣ выскочили на камни по обѣ стороны прохода. Въ этомъ случаѣ главное значеніе имѣли прожектора, которые освѣ-

щали проходившіе пароходы, почему-то названные «брандерами». Кто не испыталъ на себѣ вліяніе свѣта прожектора, тотъ не можетъ достаточно ясно понять, насколько онъ лишаетъ возможности правильно судить о разстояніяхъ и направленіяхъ. Подъ этимъ ослѣпительнымъ лучемъ чувствуешь себя совершенно безпомощнымъ, остается только закрыть глаза и ждать, когда лучъ будетъ отведенъ. Командиры японскихъ брандеровъ, ослѣпленные этими лучами, совершенно потеряли направленіе входа и, подходя къ берегу, выскакивали на камни.

Впослѣдствіи, по пріѣздѣ адмирала Макарова, который понялъ, что одна артиллерія не можетъ служить преградой брандерамъ, былъ принятъ рядъ мѣръ, защищающихъ подходъ къ Артуру: было поставлено минное заграждение, автоматически размыкавшееся, когда наши суда выходили изъ гавани, построенъ былъ рядъ боновъ, кольцомъ охватывавшій Артурскій рейдъ и гавань; наконецъ, адмиралъ Макаровъ приказалъ потопить два большихъ парохода, нагруженныхъ камнями и пескомъ, оставивъ между ними узкій выходъ для нашихъ судовъ. Мѣры эти оказались какъ нельзя болѣе дѣйствительными: большинство брандеровъ, которые японцы присылали еще въ нѣсколько пріемовъ, тонули, упираясь въ эти искусственные рифы. Такъ какъ на нѣкоторыхъ брандерахъ было найдено много горючаго матеріала, то явилось предположеніе, что японцы хотятъ привезти керосинъ и во время прилива выпустить его зажженнымъ въ гавань; хотя подобная мысль была весьма фантастична, но, тѣмъ не менѣе, на этотъ случай былъ построенъ спеціальный бонъ, обитый жестяными листами, долженствовавшими остановить распространеніе огня.

Утромъ, когда «Новика» послали въ Голубицую бухту посмотрѣть, цѣлы-ли два миноносца, поставленные въ эту бухту на ночь, мы увидѣли на рейдѣ печальные результаты ночной японской авантюры: на прибрежныхъ скалахъ, безпомощно накренившись, лежали четыре паро-

хода. Одинъ изъ нихъ, вплотную подошедшій къ «Ретвизану», продолжалъ горѣть, а по рейду плавало множество обломковъ, шлюпокъ, спасательныхъ круговъ и буйковъ; по всей вѣроятности, комада брандеровъ спасалась на шлюпкахъ, но многіе были настигнуты снарядами и потоплены. Часть японской команды, оставшейся на брандерахъ, была снята на разсвѣтѣ нашими шлюпками, но не всѣ одинаково охотно сдавались въ плѣнъ: находились матросы, которые тутъ же лишали себя жизни, а одинъ офицеръ, выплывшій на берегъ, спрятался между камнями, нѣкоторое время отстрѣливался, а затѣмъ выпустивъ всѣ патроны, пытался задушить себя какимъ-то кушакомъ, но ему помѣшали. Это были первые въ эту войну плѣнные въ Артурѣ.

Въ японскихъ газетахъ неоднократно писалось, что на эти брандеры вызываютъ въ команду охотниковъ, при чемъ предложеній поступаетъ такъ много, что приходится бросать жребій; а между тѣмъ, изъ опроса людей, снятыхъ утромъ съ брандеровъ, выяснилось, что ихъ увезли обманнымъ путемъ: назначили по нѣсколько человѣкъ, какъ для сопровожденія пароходовъ въ одинъ изъ японскихъ портовъ, а затѣмъ по дорогѣ неожиданно измѣнили курсъ и направились въ Артуръ. Да оно отчасти и понятно: врядъ-ли на такое самоубійство можно набрать достаточно охотниковъ.

Въ Голубиной бухтѣ нашли цѣлыми и невредимыми наши два миноносца и пошли съ ними обратно въ Артуръ. По дорогѣ мы были непріятно изумлены, увидѣвъ четыре японскихъ крейсера, которые полнымъ ходомъ шли намъ наперерѣзъ, стараясь преградить намъ возвращеніе въ Артуръ; началась бѣшенная скачка; механикамъ было предложено дать наибольшій ходъ, что являлось единственнымъ средствомъ спасенія. Намъ удалось проскочить подъ градомъ снарядовъ, которыми провожали насъ японцы, досадуя, что выскочилъ такой лакомый кусочекъ.

На другой день къ Артуру начала стягиваться вся японская эскадра, желая убѣдиться въ результатахъ ночного предпріятія. Чтобы доказать японцамъ, что попытка ихъ не увѣнчалась успѣхомъ, были высланы на рейдъ крейсера «Аскольдъ» и «Баянъ», которые совмѣстно съ «Новикомъ» вступили въ бой съ передовыми непріятельскими кораблями. Когда же, наконецъ, почти весь японскій флотъ открылъ огонь по нашимъ тремъ крейсерамъ, то начальникъ отряда сигналомъ просилъ разрѣшенія вернуться въ гавань, въ виду слишкомъ большого неравенства силъ. На этотъ сигналъ было отвѣчено отказомъ. Тогда, видя, что продолжая бой съ такимъ сильнымъ противникомъ, можно только погубить корабль, совершенно его не использовавъ, командиръ «Новика» далъ полный ходъ машинамъ и бросился на непріятельскій флотъ, собираясь аттаковать минами.

Выполнить своего замысла ему не дали, такъ какъ, замѣтивъ нашъ маневръ, въ Артурѣ подняли сигналъ: «Новику» вернуться въ гавань». Японцы, пройдя въ почтительномъ разстояніи отъ выстрѣловъ батарей, ушли опять на долгое время, изрѣдка посылая по ночамъ партіи брандеровъ, не желая отказаться отъ своего первоначальнаго плана. Каждый разъ послѣ этого развѣдочные корабли приходили провѣрять результаты и каждый разъ имъ высылали навстрѣчу изъ гавани либо крейсеръ, либо броненосецъ, чтобы показать, что проходъ все еще свободенъ. На Артурскомъ рейдѣ японцами было потоплено больше двадцати пароходовъ, но ни одинъ изъ нихъ не легъ на фарватерѣ.

Глава IV.

Пріѣздъ адмирала Макарова, бомбардировки съ моря и гибель „Петропавловска“.

Въ Февралѣ, въ ожданіи пріѣзда адмирала Макарова, флотъ почти ничего не предпринималъ, кромѣ рѣдкихъ развѣдокъ въ обѣ стороны отъ Артура, но дальше 40—50 миль не удаляясь: все откладывалось до пріѣзда новаго начальника эскадры. Вотъ, говорили, пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ. И пріѣхалъ баринъ въ двадцатыхъ числахъ Февраля и дѣйствительно нѣкоторыхъ разсудилъ. Такъ, напримѣръ, командира порта онъ немедленно смѣнилъ и отправилъ изъ Портъ-Артура, надо полагать, за неспособность. Это не помѣшало, однако, адмиралу Греве быть назначеннымъ командиромъ порта въ Владивостокъ. Во время мятежа морскихъ командъ, командиръ Владивостокскаго порта не нашелъ ничего лучшаго, какъ сбѣжать со своимъ штабомъ на крейсеръ «Алмазъ», совершенно отказавшись принять какія-либо мѣры для подавленія безпорядковъ, предоставивъ это дѣло, какъ онъ выразился, на полное усмотрѣніе коменданта крѣпости. Его фальшивое положеніе по усмиреніи бунта заставило его спѣшно уѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ тотчасъ же былъ назначенъ командиромъ Петербургскаго порта. Да, пока продолжается такое кумовство, если не сказать больше, флоту нечего надѣяться на возрожденіе.

Съ пріѣздомъ адмирала Макарова, въ Артурѣ все оживилось. Будучи убѣжденнымъ сторонникомъ безбронныхъ судовъ, адмиралъ Макаровъ обратилъ, главнымъ образомъ, свое вниманіе на легкіе крейсера «Аскольдъ» и «Новикъ»; на послѣднемъ онъ даже поднималъ свой флагъ и выходилъ въ меро посмотрѣть на японскую эскадру, которая въ это время крейсировала въ виду Артура. По его приказанію произвели попытку аттаковать

японскіе миноносцы, но подошедшая эскадра заставила насъ немедленно отойти. Тутъ, видимо, родилось у адрала сомнѣніе относительно правильности своей теоріи; побывалъ онъ послѣ того въ морѣ на «Аскольдѣ», а затѣмъ переѣхалъ на «Петропавловскъ», да такъ и рѣшилъ, что на броненосцѣ куда спокойнѣе и вѣрнѣе: хорошо построенный броненосецъ трудно вывести изъ строя, тогда какъ достаточно одного снаряда, чтобы лишить возможности двигаться такой крейсеръ, какъ «Новикъ», а начальникъ эскадры, не въ силу личныхъ побужденій, а по своему положенію, долженъ возможно меньше подвергать свою жизнь опасности.

Первымъ дѣломъ адмирала Макарова было начать обученіе флота эволюціямъ. Къ стыду нашему надо сознаться, что объ этомъ командиры не имѣли ни малѣйшаго представленія. Зато пріятно было смотрѣть, какъ маневрируютъ японцы въ виду Артура: во всѣхъ движеніяхъ чистота, ни одного промаха, ни одной ошибки. Отъ нашихъ же перестроеній адмиралъ Макаровъ пришелъ въ полное отчаяніе. Послѣ перваго же перестроенія по сигналу, всѣ корабли потеряли свои мѣста, потеряли равненіе и разстояніе, а два броненосца просто ничего не поняли и начали таранить другъ друга; хорошо еще, что благополучно отдѣлались сравнительно легкими поврежденіями. Опять-таки винить самихъ командировъ не приходится: трудно требовать отъ людей знаній, которыхъ имъ никогда не давали. Умѣніе владѣть кораблемъ въ эскадрѣ при сложныхъ перестроеніяхъ не можетъ быть пріобрѣтено только теоретически: необходима постоянная практика, а ея-то почти и не было. Адмиралъ Макаровъ попробовалъ, да кажется и закаялся: видимо, боялся перетопить броненосцы своими средствами. Положимъ, онъ и не имѣлъ времени продолжать обученіе командировъ: трагическая смерть его прекратила всякія благія начинанія.

На другой же день по пріѣздѣ адмирала Макарова японцы въ первый разъ устоили бомбардировку по го-

роду и рейду съ броненосцевъ. Этотъ видъ войны гораздо хуже всякаго боя: приходится стоять на швартовахъ въ гавани и ждать, не упадетъ-ли на голову 12-ти-дюймовый снарядъ, а, вѣдь, онъ вѣситъ 24 пуда. На броненосцахъ въ это время было гораздо спокойнѣе: стоитъ только спуститься въ нижнюю палубу и сидѣть за броней; ну, а на нашихъ легкихъ крейсерахъ и миноносцахъ, гдѣ бортъ не толще мизинца, бомбардировки были очень непріятнымъ развлеченіемъ.

Японскіе броненосцы держались отъ Артура на такомъ разстояніи, что батареямъ нечего было и думать отвѣчать. Пришлось изобрѣсти способъ перекидной стрѣльбы, чтобы наши броненосцы могли отвѣчать изъ гавани. Стрѣльба эта, конечно, очень невѣрная, но все-таки легче на душѣ, когда имѣешь возможность отвѣтить непріятелю, а не молча стоять подъ разстрѣломъ. Раздѣлили море кругомъ Артура на участки, у каждой башни поставили планшетъ, а на береговыхъ возвышенностяхъ сигнальщиковъ съ телефонами и стали отвѣчать, перекидывая черезъ горы 10-ти и 12-ти-дюймовые снаряды,—это заставляло японцевъ мѣнять мѣста и мѣшало вѣрности ихъ стрѣльбы. За все время съ нашей стороны было одно только попаданіе, именно въ крейсеръ «Кассугу», но и этого было достаточно, чтобы надолго прекратить бомбардировки.

Конецъ Февраля и весь Мартъ флотъ хотя и не предпринималъ серьезныхъ операцій, но подготовка постепенная къ этому была все-таки видна: выходили довольно часто на развѣдки, постепенно удаляясь все дальше и дальше отъ Артура, задерживали встрѣчные пароходы, — однимъ словомъ, не хотѣли еще признавать за японцами полнаго господства надъ моремъ.

Помню, какъ-то, во время одной изъ развѣдокъ къ островамъ Miao-тау, замѣтили мы небольшой японскій пароходикъ, старавшійся улизнуть между островами; погнались; замѣтивъ, что мы его быстро настигаемъ, паро-

ходъ пересадилъ часть людей на китайскую джонку, которая подъ парусами бросилась въ другую сторону, а самъ взялъ курсъ на берегъ, видимо собираясь выброситься. Шедшій съ нами миноносецъ поймалъ джонку, а нѣсколько выстрѣловъ съ «Новика» заставили остановиться пароходъ; спустили шлюпку, на которой я подъѣхалъ къ нему, осмотрѣлъ, нашелъ въ трюмѣ нѣсколько человѣкъ японцевъ, а на палубѣ старую заржавѣвшую мину и по приказанію командира отправилъ всѣхъ японцевъ на «Новикъ» въ первую очередь, а затѣмъ переправилъ четырехъ китайцевъ, которые служили командой. На мостикѣ стоялъ благообразный китаецъ, видимо капитанъ этого парохода и надменно смотрѣлъ на всѣ наши дѣйствія; на мое предложеніе сѣсть въ шлюпку, онъ молча сошелъ съ мостика и съ достоинствомъ усѣлся на кормовомъ сидѣніи. Каково же было наше изумленіе, когда боцманъ «Новика», подозрѣвая въ этихъ китайцахъ шпіоновъ, сталъ ощупывать имъ головы и съ торжествомъ стащилъ съ мнимаго капитана китайскую шапочку съ парикомъ и косой,—передъ нами предсталъ японецъ, отлично загримированный.

Пароходъ пробовали взять на буксиръ, но «Новикъ» даетъ сразу такой большой ходъ, что старенькій пароходъ не выдержалъ: ему вырвало кнехтъ съ мачтой и частью форштевня. Пришлось его бросить и потопить нѣсколькими выстрѣлами; японцевъ же привезли въ Артуръ и сдали подъ надзоръ. Черезъ нѣсколько дней, также во время развѣдки, встрѣтили норвежскій пароходъ и получили приказаніе отъ начальника эскадры осмотрѣть его. Высадился я на этотъ пароходъ и занялся его осмотромъ. Въ это время командиръ «Новика» рѣшилъ, что гораздо удобнѣе будетъ привести пароходъ въ Артуръ и тамъ осматривать; передалъ онъ мнѣ это приказаніе сигналомъ, поднялъ шлюпку и ушелъ, а я остался въ самомъ безпомощномъ положеніи: у капитана не оказалось карты входа въ портъ Артуръ. Приблизительно я

зналъ въ какую сторону идти; но въ этихъ мѣстахъ никогда не бывалъ и въ то же время хорошо помнилъ, что гдѣ-то, по близости, поставлено наше минное заграждение, а кромѣ того, по всѣмъ направленіямъ были видны камни. Чтобы не возбуждать сомнѣнія въ капитанѣ, я далъ передній ходъ и пустился въ путь, стараясь придерживаться струѣ, оставленной послѣ себя «Новикомъ», которую долго видно послѣ его прохода; забылъ только, что въ этомъ мѣстѣ сильное теченіе и что струю нажимаетъ все ближе и ближе къ берегу; въ одномъ мѣстѣ прошли такъ близко отъ камней, что даже капитанъ вышелъ изъ своего удрученнаго состоянія и спросилъ, хорошо-ли это. Пришлось увѣрить его, что такъ необходимо, что иначе мы попадемъ на собственныя мины. На мое несчастіе при этомъ присутствовала жена капитана, видимо, очень нервная женщина; какъ услыхала она про мины, заплакала въ три ручья и давай меня умолять не водить ихъ по минамъ въ Артурѣ, а отпустить на свободу; ухватилась за меня и заливается; досадно и смѣшно, да и жалко, тѣмъ болѣе, что пароходъ, по моему убѣжденію, былъ чистъ отъ всякихъ подозрѣній.

Какъ я умудрился благополучно дойти до Артура,— самъ не понимаю; поставилъ его на якорь, да поскорѣе тягу далъ, чтобы избавиться отъ безконечныхъ слезъ супруги капитана. Утромъ на другой день пароходъ, конечно, былъ отпущенъ.

Постоянными, частыми выходами въ море адмиралъ Макаровъ сильно безпокоилъ японцевъ, не позволяя имъ далеко уходить отъ Артура, а тѣмъ болѣе возвращаться въ Японію для пополненія запасовъ. Японцамъ пришлось устроить базу въ группѣ острововъ Эллiотъ, куда имъ подвозили изъ Японіи уголь и военные припасы. Адмиралъ Макаровъ все время, видимо, преслѣдовалъ цѣль усыпить вниманіе японцевъ своими безобидными выходами изъ Артура и въ одинъ прекрасный день или про-

рваться всей эскадрой въ Владивостокъ, или же неожиданно напасть на ихъ базу. Привести своихъ намѣреній въ исполненіе, каковы бы они были, адмиралу Макрову не удалось: 31-го Марта разыгралась драма, оставившая самое тяжелое впечатлѣніе за всю войну,—погибъ броненосецъ «Петропавловскъ».

Утромъ 31-го Марта крейсера, а затѣмъ и вся эскадра, вышли въ море для поддержки нашихъ миноносцевъ, которые, возвращаясь изъ ночной экспедиціи, попали подъ огонь японскихъ развѣдчиковъ. Странные случаи бывали во время ночныхъ экспедицій миноносцевъ: разсказывали, что одинъ изъ командировъ всю ночь проходилъ въ компаніи съ японскими миноносцами и только утромъ, когда выяснилась ошибка, японцы всѣ на него напали, такъ что ему съ трудомъ удалось унести ноги.

Японская эскадра не была еще въ полномъ составѣ, вслѣдствіе чего адмиралъ Макаровъ рѣшилъ сдѣлать нападеніе; но не успѣли мы дойти на выстрѣлъ, какъ броненосцы японскіе соединились съ крейсерами и заставили насъ отойти подъ защиту батарей. Съ этого момента японцы начали маневрировать такимъ образомъ, чтобы заставить нашу эскадру слѣдовать ихъ движеніямъ и постепенно заманивали на то мѣсто, гдѣ ими было поставлено минное заграждеміе.

Какъ адмиралу Макарову, который, если не ошибаюсь, въ турецкую войну самъ ставилъ мины противъ турокъ, какъ, говорю, ему въ голову не приходило, что японцы могутъ сдѣлать то же самое въ Артурѣ? По крайней мѣрѣ, объ этомъ, до случая съ «Петропавловскомъ», разговоровъ не было и никакихъ мѣръ не принималось. Что въ Артурѣ не замѣтили, какъ японскіе миноносцы ставили мины—понятно: достаточно легкаго тумана, чтобы прежекторы не исполняли своего назначенія, потому что лучи ихъ упираются въ туманъ, какъ въ стѣну. Впослѣдствіи много разъ приходилось слышать съ береговыхъ батарей, въ тихую туманную ночь, какъ по наружному рейду

шныряютъ японскіе миноносцы, но трудно предпринять что-либо противъ ихъ въ туманѣ или темною ночью. Къ тому же мало его поймать въ лучъ прожектора, надо его еще утопить, да и то онъ утонетъ, исполнивъ свое назначеніе. Остается только тралить ежедневно мины или ставить свои загражденія; и то и другое исполнялось въ очень крупныхъ размѣрахъ: мины тралили спеціально оборудованнымъ караваномъ, минные транспорты разставляли загражденія; но все это дѣлалось уже послѣ гибели Макарова. Тутъ еще разъ подтвердилась пословица: «громъ не грянетъ,—мужикъ не перекрестится». Дошли до того въ изобрѣтательности по части всевозможныхъ заграждеій, что ставили для миноносцевъ чуть-ли не мышеловки, напримѣръ, уже въ концѣ осады, попался японскій минный катеръ, который запутался въ разныхъ обрывкахъ сѣтей, веревокъ и т. п., разставленныхъ между бочками на рейдѣ.

Какое громадное количество минъ было поставлено японцами, видно изъ того, что на двухъ узкихъ фарватерахъ, протраленныхъ для выхода эскадры, было уничтожено 400 минъ. Можно себѣ представить что дѣлалось на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тралить не было надобности.

Итакъ, адмиралъ Макаровъ, увлекшись эволюціями японцевъ, во главѣ нашей эскадры сталъ маневрировать на Артурскомъ рейдѣ. Въ 9 ч. 30 м. утра послышался негромкій взрывъ и «Петропавловскъ» накренился; вслѣдъ затѣмъ раздались послѣдовательно нѣсколько оглушительныхъ взрывовъ и громадный броненосецъ, положительно разваливаясь на части, быстро погрузился носомъ; на поверхности воды показались винты, затѣмъ красная подводная часть, по палубѣ, какъ потоки лавы, побѣжали огненные языки—и «Петропавловскъ», захлебываясь и выбрасывая громадные столбы пара и воды, окончательно исчезъ подъ водой. Все это продолжалось не болѣе $1^1/_2$ минутъ, но никогда этотъ ничтожный промежутокъ времени не изгладится изъ моей памяти. До сихъ поръ вся

эта потрясающая картина ясно стоитъ передъ моими глазами. Это было до такой степени ужасно, ужасно именно полною невозможностью спасти, остановить несчастіе, или предотвратить его, что всѣ положительно потеряли въ первый моментъ способность къ какому бы то ни было активному дѣйствію. Помню, что послѣ перваго же взрыва я приказалъ спускать кормовые шлюпки, но ни я, ни команда въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не въ состояніи были привести приказаніе въ исполненіе, — опускались руки.

Черезъ нѣсколько времени къ мѣсту катастрофы собрались шлюпки со всѣхъ судовъ, паровые катера, подошли миноносцы и спасали немногихъ, оставшихся на поверхности. Въ смерти адмирала Макарова еще не были увѣрены, а потому посылали справляться по всѣмъ судамъ, не спасли-ли адмирала, но отовсюду получали неутѣшительные отвѣты; только черезъ нѣсколько часовъ пришлось окончательно бросить всякую надежду, такъ какъ всѣ шлюпки вернулись, не найдя даже его трупа.

Черезъ часъ, приблизительно, послѣ взрыва «Петропавловска» броненосецъ «Побѣда» попалъ также на мину, но для него это обошлось сравнительно благополучно: несмотря на пробоину, онъ могъ самостоятельно войти въ гавань и тотчасъ же приступилъ къ исправленію. Взрывъ мины подъ «Петропавловскомъ» потому произвелъ такое страшное разрушеніе, что пришелся, по всей вѣроятности, подъ крюйтъ-камерой (пороховой погребъ), откуда взрывъ передался котламъ, которые на «Петропавловскѣ» были старой системы, а стало быть подвержены взрыву.

Страшно подумать, сколько человѣческихъ жизней, сколько талантливыхъ, нужныхъ флоту людей, собранныхъ въ штабъ адмирала Макарова, погибло въ нѣсколько мгновеній, а если подумать, что многіе изъ нихъ, находившіеся внизу въ моментъ катастрофы, опустились живыми еще на дно вмѣстѣ съ броненосцемъ, если поду-

мать, что имъ пришлось пережить и перечувствовать, сознавая себя заживо погребенными, поневолѣ почувствуешь ужасъ. Подобный случай произошелъ на крейсерѣ 1 ранга «Россія», во время пожара, произведеннаго японскимъ снарядомъ: нѣсколько матросовъ, окруженныхъ кольцомъ пламени въ одномъ изъ отдѣленій крейсера, сознавая безвыходность своего положенія и чувствуя приближеніе смерти, собрались вмѣстѣ и сами себѣ пѣли «со святыми упокой». Какимъ образомъ погибъ адмиралъ Макаровъ—точно не выяснено; говорятъ, что онъ былъ придавленъ на мостикѣ упавшею мачтой; во всякомъ случаѣ, смерть его не только для Артура, но и для всей Россіи была незамѣнимою утратой; флотъ остался безъ начальника и былъ поэтому уже заранѣе обреченъ на гибель.

Послѣ взрыва на «Побѣдѣ» по судамъ, какимъ-то образомъ, распространился слухъ, что на нашу эскадру сдѣлали нападеніе японскія подводныя лодки. Началась невообразимая паника: броненосцы и крейсера открыли стрѣльбу по всѣмъ подозрительнымъ пятнамъ на водѣ, по плавающимъ жестянымъ банкамъ и деревяннымъ обрубкамъ, принимая ихъ за перископы подводныхъ лодокъ. Стрѣльба была не только безпорядочная, но производилась комендорами, повидимому, совершенно самостоятельно; близость своихъ же судовъ вовсе не принималась въ расчетъ; стрѣляли на разстояніи 1 или 2 кабельтовыхъ (кабельтовъ = 100 саженямъ), вслѣдствіе чего снаряды рвались и рикошетировали черезъ наши головы. Командиръ «Новика», который совершенно не принималъ участія въ общемъ перепугѣ и категорически приказалъ не дѣлать ни одного выстрѣла, далъ задній ходъ, чтобы выйти изъ подъ растрѣла своихъ же броненосцевъ; въ это время съ береговой сигнальной станціи сигналомъ передали, что подъ кормой «Новика» идетъ подводная лодка. Что они приняли за подводную лодку,—не знаю; можетъ быть струя отъ нашихъ винтовъ ихъ смутила, но только какъ я ни напрягалъ зрѣнія, никакихъ призна-

ковъ подводныхъ лодокъ не замѣтилъ. Настроенное подобнымъ сигналомъ воображеніе команды разыгралось: одинъ изъ комендоровъ, указывая мнѣ на кусокъ плававшей пакли, увѣрялъ, что это самый перископъ и есть. Насколько я помню, только броненосецъ «Полтава» послѣдовалъ нашему примѣру и отошелъ въ море отъ толпившихся и старавшихся возможно скорѣе войти въ гавань судовъ: пришлось назначить очередь и сигналомъ вызывать очередной корабль, такъ какъ двоимъ сразу войти въ Артуръ невозможно. «Новикъ» вошелъ послѣднимъ.

Присутствіе подводныхъ лодокъ 31-го Марта такъ и осталось подъ сомнѣніемъ. Для большинства этотъ новый видъ военнаго судна былъ совершенно незнакомъ, тѣмъ болѣе его качества въ боевомъ отношеніи. Что японцы должны были имѣть подводныя лодки, въ этомъ не могло быть сомнѣнія, такъ какъ мы одновременно съ ними покупали ихъ у американцевъ, но въ дѣлѣ ихъ никто не видалъ, а потому каждый строилъ предположенія по своему усмотрѣнію. Воображали, напримѣръ, что японцы могутъ на подводныхъ лодкахъ войти въ гавань, выстрѣлить минами и благополучно уйти, что заставило поставить въ гавани особый боонъ съ сѣтью, изобрѣтеніе мичмана Ульянова, которое должно было изловить лодку, какъ перепела при первомъ прикосновеніи.

На береговыхъ сигнальныхъ станціяхъ неоднократно принимали какой-нибудь плавающій чурбанъ за перископъ, или дельфина за ныряющую подводную лодку и поднимали своими сообщеніями переполохъ въ Артурѣ. Помню, какъ я однажды былъ посланъ на паровомъ катерѣ «Новика», вооруженномъ скорострѣльною пушкой, ловить подводную лодку, замѣченную съ батареи Бѣлаго Волка.

Инструкція была мнѣ дана приблизительно слѣдующая: нагнать подводную лодку, замотать ей перископъ тряпкой, чтобы лишить возможности видѣть, или сломать его молоткомъ, а самое лучшее—захватить за этотъ перископъ буксиръ и притащить лодку въ гавань.

Прокомандовавъ больше года подводною лодкой въ Владивостокѣ, я понялъ, насколько смѣшны и наивны были наши представленія объ этомъ, хотя еще не вполнѣ совершенномъ, но все же страшномъ оружіи.

Послѣ гибели адмирала Макарова, въ командованіе флотомъ вступилъ контръ-адмиралъ Витгефтъ, который самъ признавалъ свою неспособность въ этомъ дѣлѣ, а потому рѣшилъ не предпринимать никакихъ активныхъ дѣйствій флотомъ, а всѣ усилія обратилъ на оборону крѣпости.

По этому поводу въ Артурѣ распространилась острота, будто флотъ рѣшилъ въ эту войну соблюдать строжайшій нейтралитетъ.

Глава V.

Взрывъ японскихъ броненосцевъ „Хатцузе“ и „Яшима“. Гибель „Енисея“ и „Боярина“.

Послѣ гибели адмирала Макарова, флотъ, какъ я уже говорилъ, былъ обреченъ на бездѣйствіе, за неимѣніемъ флотоводца.

Продолжали работать только миноносцы, которыхъ ежедневно, по очереди, гоняли на дежурство въ море,—дежурство страшно утомительное и опасное, но никакой пользы не приносящее. Миноносцы гибили то на камняхъ, то подъ выстрѣлами японцевъ, не имѣя ни разу возможности выполнить прямого своего назначенія—минной аттаки, если не считать миноносца лейтенанта Криницкаго, аттаковавшаго однажды японскіе брандеры и вступившаго въ бой съ ихъ конвоирами.

Днемъ миноносцы, свобные отъ дежурства, тралили мины совмѣстно съ мелкими пароходами, буксирами и землечерпательными барками, оборудованными въ спеціальный «тралящій караванъ». Работа опять-таки тяжелая и

не менѣе опасная; такимъ образомъ, въ то время, какъ броненосцы и крейсера мирно отстаивались въ гавани, на этихъ незамѣтныхъ труженикахъ свалили всю работу. Во многихъ случаяхъ посылки миноносцевъ въ море дѣлались, по-моему, исключительно съ цѣлью имѣть возможность донести, кому слѣдуетъ, что въ Артурѣ все-таки что-то дѣлается.

Въ серединѣ Апрѣля упорно стали поговаривать о высадкѣ японцевъ на Ляодунскомъ полуостровѣ, но въ Артурѣ это никого особенно не безпокоило, такъ какъ всѣмъ были извѣстны слова Куропаткина, что флота намъ не надо, что японцы могутъ высаживаться сколько имъ угодно, что всѣ они будутъ опрокинуты въ море. Тогда Куропаткину еще вѣрили.

Препятствовать высадкѣ японцевъ флотъ, въ лицѣ своего начальника эскадры, положительно отказался за неимѣніемъ достаточныхъ для этого средствъ. Не знаю, возможно-ли было «помѣшать» японцамъ высадиться, но «мѣшать» имъ это дѣлать, во всякомъ случаѣ, было необходимо. Въ скоромъ времени выяснилось, что японцы высадились въ Бидзыво, при чемъ авангардъ ихъ уже дошелъ до желѣзной дороги и обстрѣливалъ поѣздъ. Въ двадцатыхъ числахъ Апрѣля Артуръ былъ уже окончательно отрѣзанъ: прекратилась доставка почты, пересталъ дѣйствовать телеграфъ, началась настоящая осада.

Японцы сдѣлали большую ошибку, что не высадились тотчасъ же послѣ первой аттаки, когда они могли взять Артуръ голыми руками; три мѣсяца, которые прошли съ тѣхъ поръ, Портъ-Артуръ во всякомъ случаѣ не потерялъ даромъ и укрѣпился настолько, что японцамъ пришлось потратить семь съ лишнимъ мѣсяцевъ, чтобы привести защитниковъ его или, вѣрнѣе, генерала Стесселя, въ отчаяніе, такъ какъ безъ него Артуръ хотя и былъ бы все-таки взятъ, но продержался бы еще нѣкоторое время.

Пока японцы устраивали облаву на Портъ-Артуръ, флотъ нашъ, хотя и не принимая активнаго участія, успѣлъ

отомстить японцамъ за смерть адмирала Макарова и за гибель «Петропавловска». Произошло это слѣдующимъ образомъ. Чтобы воспрепятствовать японцамъ бомбардировать крѣпость съ моря, ставились минныя загражденія на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ японскіе броненосцы могли ходить внѣ выстрѣловъ батарей: поставили заграждение у мыса Ляотешанъ, другое со стороны Таліенвана, наконецъ, адмиралъ Витгефтъ рѣшилъ поставить третье въ центрѣ, приблизительно на SO отъ Артура въ 7 миляхъ. Командиръ миннаго транспорта «Амуръ», капитанъ 2 ранга Ивановъ, который былъ посланъ для этой цѣли, уже давно выработалъ свой планъ и, воспользовавшись выходомъ въ море, привелъ его въ исполненіе. Дѣло въ томъ, что японцы въ это время уже установили правильную блокаду порта Артуръ и ежедневно можно было видѣть японскіе броненосцы и крейсера, маневрирующими на разстояніи 10-ти миль. Разстояніе это они выбрали потому, что единственная дальнобойная батарея на морскомъ фронтѣ, «Электрическій Утесъ», могла стрѣлять на наибольшее разстояніе 100 кабельтовыхъ, равныхъ 10-ти милямъ; японцы знали это, конечно, и какъ бы глумились надъ нашими артиллеристами, стоявшими постоянно на готовѣ около орудій, ожидая хоть небольшого сближенія, чтобы послать снарядъ. Но нѣтъ, японцы точно соблюдали предѣльную дальность и ни на полъ-кабельтова не подвигались ни въ ту, ни въ другую сторону. Замѣтивъ этотъ систематическій маневръ, командиръ «Амура», вмѣсто того, чтобы выполнить приказаніе Начальника эскадры, воспользовался полосою тумана, скрывшаго японскіе дозорные корабли, добѣжалъ до мѣста постоянной прогулки японскихъ броненосцевъ и набросалъ нѣсколько рядовъ минъ. Адмиралъ Витгефтъ, узнавъ объ этой продѣлкѣ, естественно разсердился и, призвавъ виновнаго командира, наговорилъ ему массу непріятностей, пригрозивъ даже отрѣшеніемъ отъ командованія. Происшествіе это облетѣло, конечно, весь Артуръ и вотъ на другой день утромъ, на Золотой Горѣ собрались всѣ, кто

могъ оторваться отъ работы или службы, чтобы лично наблюдать за дѣйствіями японцевъ. Около 10 часовъ утра показались японскіе броненосцы, которые въ кильватерной колоннѣ благополучно прошли прямо черезъ заграждение и скрылись за мысомъ Ляотешанъ.

У всѣхъ руки опустились отъ такой неудачи. Но вотъ слѣва появились крейсера, идущіе на смѣну дежурства; броненосцы снова вышли изъ-за мыса и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было поставлено заграждение, начали перестраиваться; прошло нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія; вдругъ, они всѣ сразу остановились и броненосецъ типа «Яшима» началъ медленно наклоняться на лѣвый бортъ. Взрыва не было видно, но сильный кренъ былъ слишкомъ очевиднымъ доказательствомъ того, что броненосецъ этотъ попалъ на мину; въ бинокль видно было, какъ съ другихъ судовъ къ нему направились шлюпки, но суда продолжали оставаться на мѣстѣ, видимо не зная, въ какую сторону уходить отъ опасности. Въ Артурѣ все заволновалось: миноносцы стали готовиться къ выходу въ море, «Новику», конечно, было приказано развести пары, такъ что я поневолѣ долженъ былъ уходить съ горы, гдѣ всѣ восторженно поздравляли другъ друга съ удачей и посылали всякія непріятныя пожеланія японцамъ. Вдругъ, совершенно неожиданно, надъ другимъ броненосцемъ, типа «Хатсузе», взвился громадный столбъ бѣлаго дыма, скрывшій его на нѣсколько мгновеній съ нашихъ глазъ, и буквально не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ броненосецъ окончательно исчезъ подъ водой. Восторгу не было конца: кричали ура, бросали вверхъ фуражки и чуть-ли не цѣловали другъ друга. Гибель «Петропавловска» была отомщена тѣмъ же оружіемъ, при чемъ броненосецъ «Хатсузе» имѣлъ 16 тысячъ тоннъ водоизмѣщенія и былъ гораздо современнѣе и сильнѣе «Петропавловска». Даже иностранные морскіе агенты приняли участіе въ общемъ ликованіи: нѣмецъ апплодировалъ, а восторженный французъ махалъ фуражкой и кричалъ «plus de Japo-

nais! rien ne va plus!» и еще что-то въ этомъ родѣ; только американецъ счелъ за лучшее не проявлять своихъ чувствъ и молча ушелъ съ горы.

По всей вѣроятности отъ «Хатсузе» на поверхности ничего не осталось, такъ какъ всѣ суда быстро отошли въ море, кромѣ броненосца «Яшима», который продолжалъ подъ большимъ креномъ стоять на одномъ мѣстѣ, а затѣмъ, медленно приподнявшись, также двинулся въ море.

Къ этому времени всѣ миноносцы съ «Новикомъ» были уже на рейдѣ и, раздѣлившись на три отряда, бросились въ аттаку. Какъ я уже говорилъ, аттака миноносцами днемъ совершенно невозможна. Дѣйствительно, японскіе крейсера, окружившіе раненаго товарища, встрѣтили миноносцы такимъ огнемъ, что они быстро принуждены были отказаться отъ своей попытки, да она была, какъ оказалось впослѣдствіи безполезна, такъ какъ броненосецъ «Яшима» получилъ настолько серьезныя поврежденія, что затонулъ, не дойдя до Японіи.

Странно мнѣ было читать въ англійскихъ газетахъ, будто наши враги весьма сожалѣли о гибели «Петропавловска» съ адмираломъ Макаровымъ. Къ этимъ сожалѣніямъ я сразу же отнесся скептически; послѣ же взрыва японскаго броненосца я совершенно пересталъ имъ вѣрить; если мы, сравнительно миролюбивый и добродушный народъ, могли придти въ такой дикій восторгъ при видѣ гибели столькихъ враговъ, то воображаю ликованіе японцевъ, этихъ злыхъ и мстительныхъ малайцевъ.

Въ началѣ Мая японцы взяли «неприступныя» Кинчжоускія позиціи. Неприступными ихъ считали наши артурскіе тактики, которые отчасти разсчитывали на поддержку флота, но онъ къ этому времени настолько уже былъ убѣжденъ въ своемъ окончательномъ безсиліи, что оправдать ихъ разсчеты не могъ. Съ одной стороны, именно со стороны Дальняго (Таліенвана), была послана канонерская лодка «Бобръ», которая несомнѣнно оказала большую поддержку съ праваго фланга и заставила японцевъ отсту-

пить, но зато лѣвый флангъ оставался открытымъ, и японскія канонерки безпрепятственно обстрѣливали въ тылъ наши батареи и дали возможность японцамъ, подъ своимъ прикрытіемъ, обойти наши позиціи.

Походъ канонерской лодки «Бобръ» въ Таліенванъ, а главнымъ образомъ ея возвращеніе, можно считать однимъ изъ выдающихся подвиговъ японской войны, и хотя командиръ ея, капитанъ 2 ранга Шельтингъ, былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ, все же самый поступокъ его прошелъ какъ-то незамѣченнымъ. Дѣло въ томъ, что командиру «Бобра» была дана инструкція, по которой онъ долженъ былъ обстрѣливать до послѣдней возможности аттакующихъ японцевъ, а въ случаѣ, если Кинчжоускія позиціи будутъ взяты, потопить «Бобръ» въ Таліенванѣ и сухимъ путемъ возвращаться съ командой въ Портъ-Артуръ.

Первую половину инструкціи капитанъ 2 ранга Шельтингъ блестяще выполнилъ, но выполнить вторую былъ не въ силахъ, ему стало жалко своего корабля и онъ рѣшилъ съ нимъ вмѣстѣ вернуться въ Артуръ. Предпріятіе это было въ высшей степени рискованное, такъ какъ японскій флотъ, послѣ взятія Кинчжоу, ничѣмъ не былъ связанъ и бродилъ безпрепятственно кругомъ Артура. Говорятъ, будто при возвращеніи «Бобра» въ бурную ночь, ему пришлось долгое время идти совмѣстно съ нѣсколькими японскими судами и только темнота спасла его отъ несомнѣнной гибели, такъ какъ вооруженъ онъ былъ чуть не допотопными орудіями, которыя отлично дѣйствовали шрапнелью по войскамъ, но въ морѣ врядъ-ли могли принести какую-либо пользу.

Неоднократно приходилось мнѣ слышать обвиненія въ томъ, что разъ «Бобръ» могъ такъ удачно дѣйствовать по непріятелю въ Таліенванѣ, почему туда не было послано больше судовъ и съ лучшею артиллеріей. Причины этого совершенно ясны: въ томъ пунктѣ, откуда можно было стрѣлять по наступавшимъ войскамъ, могла

помѣститься только одна канонерка, да и то ей приходилось двигаться только впередъ и назадъ, такъ какъ развернуться ей уже не хватало мѣста.

Когда еще не было точно выяснено, гдѣ японцы будутъ высаживаться, предполагали, что они выберутъ для этого Таліенванъ, какъ очень удобную бухту, а потому рѣшили поставить тамъ минное заграждeніе. Посланный для этой цѣли минный транспортъ «Енисей» еще въ Февралѣ погибъ отъ взрыва мины. Случай этотъ возбудилъ въ свое время массу толковъ, которые главнымъ образомъ сводились къ обвиненію командира «Енисея» въ преступной небрежности. Между тѣмъ, очень мало людей поинтересовались узнать подробности этого несчастнаго случая и вникнуть, какая глубокая драма происходила тамъ, гдѣ поверхностному наблюдателю видится одно легкомысліе и небрежность. Капитанъ 2 ранга Степановъ, талантливый офицеръ, получившій академическое образованіе, составилъ проектъ миннаго транспорта, который былъ принятъ морскимъ министерствомъ. Построенный по этому проекту минный транспортъ «Енисей» былъ данъ капитану 2 ранга Степанову въ командованіе. Нельзя не упомянуть, что морское министерство не преминуло, по обыкновенію, обкургузить первоначальные чертежи, такъ что дѣтище свое капитанъ 2 ранга Степановъ получилъ въ нѣсколько измѣненномъ, въ плохую сторону, видѣ, но искренне любя морское дѣло, а въ особенности минное, онъ твердо рѣшилъ извлечь, даже изъ остатковъ своей работы, всю возможную пользу. Будучи несомнѣнно отважнымъ и предпріимчивымъ человѣкомъ, онъ неоднократно выражалъ желаніе идти на своемъ транспортѣ въ непріятельскій портъ и забросать его минами.

Первая порученная ему работа была—постановка минъ въ Таліенванской бухтѣ.

Работу эту ему пришлось исполнить въ очень свѣжую погоду, при пургѣ и нѣсколькихъ градусахъ морозу; поставивъ, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ,

400 сфероконичныхъ минъ, онъ замѣтилъ, что одна изъ нихъ неаккуратно поставлена, именно всплыла на поверхность. Не желая, чтобы одна, неудачно поставленная мина умалила заслугу своего корабля, командиръ рѣшилъ ее разстрѣлять, такъ какъ исправить постановку ея въ такую погоду, было невозможно. Исполнить своего намѣренія онъ не успѣлъ: раздался взрывъ и «Енисей» началъ быстро погружаться. Что именно произошло, точно установить трудно; можно только предположить, что одну изъ поставленныхъ минъ сильною волной снесло въ сторону, или же, что самъ Енисей, снесенный снѣжнымъ штормомъ, натолкнулся на загражденіе. Быстро спустили шлюпки и стали спасать людей; командиръ, сильно раненый взрывомъ въ голову, въ которой торчали различные осколки и щепки, не теряя хладнокровія, отдавалъ приказанія и распоряжался спасеніемъ команды, но когда ему предложили садиться въ готовую къ отходу шлюпку съ послѣдними людьми,—онъ отказался. На глазахъ у всѣхъ этотъ доблестный человѣкъ пошелъ на дно съ своимъ кораблемъ. Признавая самъ себя виновнымъ въ гибели «Енисея», свою неосторожность онъ искупилъ смертью. У кого хватитъ смѣлости обвинять его, тѣмъ болѣе, что въ скоромъ времени произошелъ аналогичный случай, но въ совершенно другихъ условіяхъ и съ другими послѣдствіями. Случай этотъ былъ скрытъ въ свое время, чтобы не дѣлать его достояніемъ непріятеля, но въ концѣ-концовъ онъ оказался скрытымъ также и отъ большинства въ Россіи.

Въ Таліенванъ былъ посланъ крейсеръ «Бояринъ», который попалъ на поставленное транспортомъ «Енисей» загражденіе и взорвался; обвинять командира за это нельзя, такъ какъ «Енисей» погибъ, не оставивъ точнаго плана расположенія минъ и «Бояринъ» шелъ, такъ сказать, на рискъ, по приказанію начальства. Но вотъ дальнѣйшія дѣйствія командира становятся мало понятными: посадивъ команду на шлюпки, не смотря на то, что ме-

ханикъ докладывалъ объ уменьшеніи прибыли воды, командиръ «Боярина» самъ сбѣжалъ на подошедшій миноносецъ и ушелъ изъ Таліенвана, оставивъ свой корабль плавающимъ на водѣ и отдавъ приказаніе оставшемуся миноносцу потопить крейсеръ минами; миноносецъ сдѣлалъ два выстрѣла, ни разу не попалъ и тоже ушелъ, а несчастный покинутый «Бояринъ» еще три дня болтался взадъ и впередъ по бухтѣ, пока не приткнулся къ камнямъ и не былъ разбитъ окончательно волнами.

Глава IV.

Обстрѣливаніе японскихъ войскъ съ моря. Выходъ эскадры 10-го іюня.

Въ Маѣ мѣсяцѣ, какъ мы, такъ и японцы, вели исключительно минную войну. Съ обѣихъ сторонъ ставилось громадное количество минъ: японцы—чтобы воспрепятствовать нашему флоту выходить въ море, мы—чтобы избавиться отъ бомбардировокъ. Одновременно обѣ стороны тралили и уничтожали мины, поставленныя противникомъ; изрѣдка пытались помѣшать другъ другу въ этихъ работахъ, что вызывало небольшія схватки между миноносцами, кончавшіяся обыкновенно безобидно для обѣихъ сторонъ. Мы ставили мины всевозможными способами: съ плотиковъ, съ миноносцевъ, спеціальнымъ транспортомъ и, наконецъ, даже небольшой коммерческій пароходъ былъ приспособленъ для этой цѣли. Японцы же употребляли для постановки минъ исключительно миноносцы, такъ какъ имъ приходилось близко подходить къ батареямъ, которыя неоднократно ловили ихъ за этимъ занятіемъ въ лучи прожекторовъ и открывали стрѣльбу; довольно часто получались донесенія съ фортовъ объ уничтоженіи японскаго миноносца, но провѣрить эти донесенія не было возможности, такъ какъ къ утру отъ утопленнаго мино-

носца, конечно, не могло остаться никакихъ признаковъ. Подъ конецъ японцы начали ставить мины положительно для виду, или же у нихъ уже не хватало матеріала, только въ нѣкоторыхъ выловленныхъ и разобранныхъ минахъ находили по 1/4 нормальнаго заряда пироксилина, который врядъ-ли обладалъ достаточною силой, чтобы нанести серьезное поврежденіе.

Изрѣдка японцы пускали по рейду, для разнообразія, плавучія мины, которыя относило теченіемъ на прибрежные камни, гдѣ онѣ безвредно взрывались, пугая только китайцевъ и рыболововъ.

«Новику» постоянно приходилось конвоировать транспортъ «Амуръ» и отгонять японскіе миноносцы, цѣлыми стаями бродившіе между Артуромъ и Таліенваномъ. Однажды намъ пришлось имѣть дѣло съ 17-тью миноносцами; нѣсколько разъ они пробовали аттаковать насъ общими силами, но обладая большимъ ходомъ, мы все время держали ихъ на разстояніи выстрѣла нашихъ орудій, не допуская сближаться, что заставило ихъ раздѣлиться на три группы, которыя пытались напасть на насъ съ трехъ сторонъ, но и это имъ не удалось, такъ какъ мы встрѣчали огнемъ по очереди всѣ три отряда, не позволяя имъ дѣйствовать одновременно. Это было состязаніе въ скорости хода и въ искусствѣ маневрированія, изъ котораго «Новикъ» вышелъ побѣдителемъ. Японцы удалились, получивъ, по всей вѣроятности, поврежденія, такъ какъ стрѣльба была выдержанная и разсчитанная, море было спокойно, что позволяло корректировать разстоянія и направленія, а также видѣть паденія снарядовъ, ложившихся въ большинствѣ прекрасно. Столкновеніе это показало, что такому крейсеру, какъ «Новикъ», при умѣломъ управленіи нечего опасаться какого угодно числа миноносцевъ. Въ томъ же, повидимому, убѣдились и японцы, такъ какъ миноносцы ихъ постоянно разбѣгались въ разныя стороны при нашемъ приближеніи. Къ концу Мая японцы настолько энергично повели наступленіе, что гар-

низону пришлось отступить на послѣднія позиціи передъ Артуромъ—Зеленыя Горы, при чемъ японскій лѣвый флангъ такъ близко придвинулся къ морю, что мы получили возможность, обстрѣливать его съ судовъ.

Съ 1-го Іюня начинается цѣлый рядъ походовъ съ этою цѣлью, которые постоянно кончались если не сраженіемъ, то во всякомъ случаѣ стычками съ непріятельской эскадрой, приходившей спасать японскія войска отъ разстрѣла.

Первое время, пока Зеленыя Горы были еще въ нашихъ рукахъ, приходилось стрѣлять по невидимой цѣли, руководствуясь указаніями береговыхъ сигнальныхъ станцій, корректировавшихъ направленіе. Занятіе это было скучное, такъ какъ непріятеля не было видно, а потому нельзя было знать результатовъ стрѣльбы, а между тѣмъ выстрѣлы изъ 120 $^{m/m}$ орудій даютъ очень рѣзкій звукъ, болѣзненно отзывающійся въ ушахъ и головѣ.

Рано утромъ, «Новикъ», въ компаніи съ канонерскими лодками, выходилъ въ море и направлялся въ сторону Таліенвана; впереди шли миноносцы съ тралами, чтобы вылавливать мины, которыя японцы ежедневно набрасывали на этомъ пути; нѣсколько разъ всей процессіи приходилось останавливаться, пока разорванный взрывомъ мины тралъ не будетъ связанъ и снова заведенъ до слѣдующей встрѣчной мины. Остановки эти вели къ тому, что мы не поспѣвали сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, какъ на горизонтѣ появлялась японская эскадра и своими дальнобойными и крупными орудіями заставляла насъ уходить обратно въ Артуръ. Командиру «Новика» наконецъ надоѣли эти постоянныя задержки съ тралами, идущими, кромѣ того, не быстрѣе 3—4 узловъ, и онъ рѣшилъ ихъ совершенно игнорировать, положившись только на наше обычное счастье. Получалась довольно странная картина: впереди, полнымъ ходомъ несется «Новикъ», прямо по японскимъ загражденіямъ, имѣя углубленіе 17 футъ, а сзади, черепашьимъ шагомъ, ползутъ съ тралами кано-

нерки, наибольшее углубленіе которыхъ не превышало 13 футъ. Надо сознаться, что подобныя, почти ежедневныя, путешествія по минамъ очень непріятно дѣйствовали на нервы, но зато мы пользовались полною свободой въ тылу японскихъ позицій; пока японскія суда доходили отъ своей базы, мы, обыкновенно, успѣвали выполнить данное намъ порученіе и, не дожидаясь ихъ 12-дюймовыхъ снарядовъ, съ спокойною совѣстью уходили домой. Счастье «Новика» было совершенно непонятно; на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ онъ проходилъ, тралы вырывали цѣлыя группы минъ. Случилось даже, что мина взорвалась отъ струи нашихъ винтовъ, не причинивъ намъ никакого вреда, а между тѣмъ, достаточно такого взрыва подъ килемъ, чтобы разорвать крейсеръ пополамъ.

Когда японцы взяли Зеленыя Горы и подступили къ самой крѣпости, походы наши стали пріятнымъ развлеченіемъ; ходить приходилось недалеко, а дѣйствовать можно было уже по видимой цѣли. Помню, однажды, когда мы подошли къ берегу, намъ бросилось въ глаза какое-то темное пятно на серединѣ склона горы Дагушанъ. Нѣкоторыя приняли его за мелкія сосны, но большинство рѣшило, что это японскій отрядъ. Командиръ приказалъ пристрѣляться. Къ орудію сталъ мичманъ Максимовъ и первый же снарядъ положилъ въ середину пятна. Тутъ же всѣ убѣдились, что это японцы, такъ какъ пятно зашевелилось и быстро поползло по склону горы. Немедленно фугасные снаряды замѣнили сегментными (шрапнелью) и, уже точно зная разстояніе, положительно засыпали бѣгущихъ японцевъ, которые валились цѣлыми группами. Это былъ единственный случай, когда мнѣ пришлось наблюдать воодушевленіе на кораблѣ; обыкновенно каждый исполнялъ систематически свое дѣло; тутъ же, при видѣ врага, какая-то злоба охватывала всѣхъ: офицеры сами становились къ орудіямъ, кочегары вылѣзали изъ своихъ отдѣленій, чтобы помочь подачѣ снарядовъ, слышались веселые возгласы и замѣчанія. Несмотря на

приближеніе японскихъ крейсеровъ и падающіе снаряды, никто не хотѣлъ уходить, а лодкѣ «Отважный» пришлось нѣсколько разъ подавать сигналъ о возвращеніи: настолько она увлеклась и не замѣчала опасности.

Опредѣляя разстояніе дальномѣромъ Barr & Strud'a, кстати сказать, единственнымъ хорошимъ въ Артурѣ, имѣющимъ очень сильную подзорную трубу, я замѣтилъ, что всѣ склоны горъ и береговыя скалы покрыты группами японцевъ. Несмотря на очень близкое разстояніе до берега, японцевъ, благодаря костюмамъ цвѣта «haki», невозможно было разсмотрѣть, даже въ бинокль; всѣ они сидѣли неподвижно, разсчитывая остаться незамѣченными, но нѣсколько удачно положенныхъ снарядовъ принудили ихъ броситься вразсыпную. Оказывается, японцы ночью задумали устроить обходъ праваго фланга, но нашъ приходъ разрушилъ ихъ планы и надолго заставилъ удалиться отъ берега.

Остается только пожалѣть, что своевременно не былъ исполненъ проектъ соединенія западнаго бассейна Артура съ Голубиной бухтой, вслѣдствіе чего оба фланга японцевъ были бы подвержены обстрѣлу съ моря, что значительно облегчило бы защиту крѣпости.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ адмиралъ Витгефтъ неоднократно получалъ предложенія отъ Намѣстника предпринять выходъ въ море всей эскадрой, чтобы принять бой съ непріятелемъ, флотъ котораго уменьшился къ этому времени нѣсколькими кораблями. Сношенія съ Намѣстникомъ и Петербургомъ производились только изрѣдка на джонкахъ черезъ Чифу, да нѣсколько разъ ходилъ миноносецъ «Лейтенантъ Бураковъ», какъ обладавшій лучшимъ ходомъ, въ Инкоу, при чемъ всѣ походы его надо считать подвигами, такъ какъ японцы каждый разъ устраивали облаву при его возвращеніи и только благодаря разумнымъ дѣйствіямъ командира миноносецъ благополучно возвращался въ Артуръ.

Наконецъ, 10 Іюня начальникъ эскадры рѣшилъ вы-

вести флотъ въ море, для чего еще наканунѣ начали усиленно протраливать фарватеры. На разсвѣтѣ броненосцы начали «вытягиваться» изъ гавани. Артуръ былъ настолько неудобнымъ портомъ, что эскадра не могла свободно выходить въ море, а именно—вытягивалась по очереди, да и то въ одинъ пріемъ иногда не успѣвали, такъ какъ броненосцы могли проходить узкость только въ полную воду; достаточно было одному судну замѣшкаться, чтобы весь походъ былъ отложенъ до слѣдующей полной воды.

Такимъ образомъ, только къ полдню эскадра собралась на рейдъ. Японцы, видя наши необычныя приготовленія, конечно, успѣли принять мѣры и къ 3 часамъ, когда мы были въ разстояніи только 40 миль отъ Артура, японскій флотъ оказался въ полномъ сборѣ. Адмиралъ Витгефтъ, подсчитавъ непріятельскіе корабли, рѣшилъ, что съ нашими силами онъ не можетъ вступать въ открытый бой, а потому повернулъ обратно въ Портъ-Артуръ. Дѣйствительно, японцевъ собралось до 20 судовъ, тогда какъ у насъ было всего 11. Что могло выйти изъ столкновенія этихъ двухъ флотовъ—трудно рѣшить; во всякомъ случаѣ, Артурская эскадра могла пожертвовать собой, чтобы подготовить путь адмиралу Рождественскому. Я увѣренъ, что при другомъ, энергичномъ и храбромъ, начальникѣ, какимъ былъ, напримѣръ, адмиралъ Макаровъ, Артурскій флотъ использовалъ бы всѣ свои корабли, вмѣсто того, чтобы безцѣльно топить ихъ въ гавани.

Къ Портъ-Артуру подходили мы уже въ темнотѣ, что дало возможность японцамъ послать свои миноносцы, которые напали на насъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ рейда.

Идя концевымъ кораблемъ, «Новикъ» отражалъ первымъ эти нападенія, предупреждая своими выстрѣлами остальныя суда. Уже на самомъ рейдѣ броненосецъ «Севастополь» наткнулся на японскую мину и получилъ пробоину; по всей вѣроятности воспоминанія о гибели «Петропавловска» были еще свѣжи, такъ какъ команда «Севасто-

поля» въ первый моментъ растерялась: начали разбирать койки и спасательные пояса, а одинъ матросъ въ паническомъ ужасѣ выбросился за бортъ. Только успокоительный примѣръ и распорядительность командира, капитана 2-го ранга Эссена, водворили порядокъ, и броненосецъ благополучно дошелъ до якорнаго мѣста.

На «Новикѣ» спустили шлюпку, чтобы спасать утопавшаго матроса, при чемъ положеніе было нѣсколько минутъ критическое; пришлось отстать отъ эскадры, и съ одной стороны отражать аттаки миноносцевъ, а съ другой поднимать возвращавшуюся шлюпку. Догнавъ затѣмъ эскадру, мы застали всѣхъ уже на якоряхъ и, не получая никакого указанія, сами выбрали себѣ мѣсто между двумя броненосцами. Поставлена была эскадра очень разумно, несмотря на полную темноту и тревожное настроеніе, что надо приписать исключительно опытности флагманскаго штурмана, покойнаго лейтенанта Азарьева; при такой постановкѣ полукругомъ по всему рейду, флоту нечего было бояться минныхъ аттакъ, что блестяще подтвердилось въ эту ночь: съ 9 часовъ вечера до 4 часовъ утра японцы произвели 6 минныхъ аттакъ совершенно безъ всякихъ для насъ послѣдствій, потерявъ, между тѣмъ, нѣсколько миноносцевъ. Гибель одного изъ нихъ мнѣ пришлось лично наблюдать въ лучѣ нашего прожектора; безпомощно остановившись, по всей вѣроятности, отъ поврежденной машины, миноносецъ получилъ нѣсколько пробоинъ и медленно ушелъ кормой подъ воду. Большинство миноносцевъ выдавали свое присутствіе огненными факелами, вылетавшими изъ трубъ; то же явленіе постоянно наблюдалось и у нашихъ миноносцевъ; достаточно превысить 10—12 узловъ ходу, какъ миноносецъ самъ выдаетъ себя непріятелю. Странно, что современная техника не изобрѣла еще какого-нибудь приспособленія для уничтоженія этого досаднаго и опаснаго несовершенства.

Послѣ своего безрезультатнаго выхода 10-го Іюня,

флотъ бездѣятельно оставался въ гавани очень долгое время, при чемъ броненосцы изрѣдка занимались перекидной стрѣльбой по японскимъ позиціямъ, крейсера снимали частью свои орудія и ставили ихъ на береговыя укрѣпленія, а «Новикъ» съ миноносцами и канонерскими лодками продолжали обстрѣливаніе японцевъ съ тыла.

Только одинъ разъ, послѣ усиленныхъ просьбъ генерала Смирнова, который ожидалъ рѣшительной аттаки со стороны японцевъ, были высланы для поддержки нашего праваго фланга, въ помощь «Новику», броненосецъ «Полтава», крейсера «Баянъ», «Діана», «Паллада» и 4 канонерскія лодки. Ставши на якорь въ тылу японскихъ позицій, отрядъ этотъ началъ систематически класть снаряды по указаніямъ сигнальныхъ станцій настолько удачно, что генералъ Смирновъ неоднократно передавалъ сигналами о блестящихъ результатахъ нашей стрѣльбы. На горизонтѣ въ это время показались характерныя трубы японскихъ крейсеровъ «Ниссинъ» и «Кассуга»; отрядъ нашъ представлялъ изъ себя значительную силу, а потому спокойно продолжалъ стоять на якорѣ, ожидая приближенія противника; каково же было общее изумленіе, когда, несмотря на то, что отъ японскихъ крейсеровъ виднѣлись однѣ только трубы, настолько они были далеко, около борта «Баяна» упалъ снарядъ, поднявъ взрывомъ громадный столбъ воды; «Полтава» немедленно отвѣтила, но снарядъ ея упалъ на половинѣ дороги; тогда «Баянъ» поднялъ, насколько могъ, свою носовую 9-ти-дюймовку, но снарядъ его также не долетѣлъ и вотъ отрядъ изъ броненосца, четырехъ крейсеровъ и четырехъ канонерскихъ лодокъ принужденъ былъ, снявшись съ якоря, уходить отъ двухъ крейсеровъ; продолжать бой дѣйствительно было немыслимо: если идти на сближеніе, то непріятельскіе крейсера, обладая большимъ ходомъ, будутъ постепенно отходить, держа насъ все время въ сферѣ дѣйствія своихъ орудій; стоять же на якорѣ, само собой понятно, не имѣло смысла. Малая, сравнительно, дальность боя на-

шей артиллеріи играла существенную роль во всей русско-японской войнѣ; даже новѣйшаго типа броненосцы, какъ «Цесаревичъ» и «Ретвизанъ», не могли соперничать съ нѣкоторыми изъ японскихъ судовъ.

Въ это время, т. е. въ Іюнѣ, въ Артурѣ уже начиналъ чувствоваться недостатокъ въ провизіи, но зато водки было сколько угодно; на пристаняхъ Восточно-Китайскаго Общества были сложены колоссальные штабели ящиковъ съ этимъ зельемъ, которое потому только не было выпито, что генералъ Стесель приказалъ налагать жестокія наказанія за пьянство, а офицеровъ, замѣченныхъ въ этомъ, обѣщалъ предавать суду; также къ его распорядительности надо отнести то, что въ Артурѣ за всю осаду цѣны на продукты въ магазинахъ оставались нормальными, такъ какъ малѣйшее увеличеніе ихъ грозило конфискаціей; на китайцевъ это—распоряженіе, къ сожалѣнію, не могло распространяться; цѣны на привозимые ими продукты—зелень, живность и скотъ достигли сказочныхъ размѣровъ: за пудъ картофеля платили уже въ Іюнѣ 9 рублей, а цѣна курицы достигала 5—6 рублей; нечего и говорить, что къ концу осады цѣны эти еще увеличились втрое.

Благодаря предусмотрительности командира «Новика», ни команда, ни офицеры ни разу не нуждались въ провизіи. Получивъ въ свое распоряженіе дачу одного изъ офицеровъ, за городомъ, капитанъ 2 ранга Шульцъ пріобрѣлъ заранѣе стадо коровъ, которыя паслись подъ наблюденіемъ матроса-пастуха, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ отелились, и въ то время, когда на судахъ флота ѣли одну солонину, мы могли посылать въ подарокъ друзьямъ то окорокъ телятины, то свѣжаго мяса. Штукъ полтораста куръ постоянно неслись, снабжая насъ свѣжими яйцами и даже высиживали цыплятъ. Свиньи, бараны, гуси, утки, —всего было запасено въ изобиліи.

На «Новикѣ» нашлись два огородника, которые посѣяли въ началѣ осады всякую зелень, и въ Іюлѣ мы

имѣли свой картофель, лукъ, столь необходимый въ осадѣ, и другіе овощи. Въ концѣ Іюля, когда на береговыхъ позиціяхъ начали рѣзатьословъ, команда «Новика» ежедневно получала свѣжее мясо. Не разъ вспомнишь добромъ такого заботливаго командира, благодаря которому одна изъ главныхъ тяжестей осады—дурная пища и даже голодъ—были устранены.

Глава VII.

Бой 28 Іюля.

Въ концѣ Іюля японцы установили нѣсколько 120$^{m}/_{m}$ осадныхъ орудій на Волчьихъ горахъ и начали бомбардировать городъ и рейдъ. Бомбардировки производились только днемъ, чтобы не выдавать своего мѣста; всѣ попытки нашихъ фортовъ и укрѣпленій открыть этотъ пунктъ были тщетны.

Аккуратно въ 7 часовъ утра японцы дѣлали первый выстрѣлъ и прекращали стрѣльбу къ заходу солнца; не было, кажется, мѣста въ Артурѣ, куда они не могли кидать снаряды, такъ что настроеніе первые дни было очень подавленное.

Главное вниманіе японцы обратили на Восточный бассейнъ, гдѣ были расположены мастерскія, портъ и запасы угля.

Такъ какъ постоянное мѣсто стоянки «Новика» былъ именно восточный бассейнъ, мы цѣлый день находились подъ обстрѣломъ, не имѣя возможности ни укрыться, ни отвѣчать. Непосредственно рядомъ съ нами находился уголь, который японцы непремѣнно хотѣли зажечь; снаряды падали такъ близко отъ насъ и въ такомъ изобиліи, что адмиралъ приказалъ намъ, наконецъ избрать болѣе безопасное мѣсто. Не успѣли мы перетянуться, какъ снарядъ попалъ въ стѣнку, у которой мы только-что стояли, и выбилъ большую брешь.

Какъ-то во время завтрака, на который было приглашено много гостей, вошелъ въ каютъ-компанію вахтенный и трагическимъ голосомъ доложилъ старшему офицеру: «Ваше Высокоблагородіе, надъ крейсеромъ снаряды рвутся!» Оставалось только воскликнуть: «that is a very good ocasion to drink» и, придравшись къ случаю, выпить лишнюю рюмку водки, такъ какъ все равно никакихъ мѣръ принять было нельзя. Гораздо спокойнѣе было въ это время на рейдѣ, куда снаряды не долетали и гдѣ хотя и были еще болѣе опасныя мины, но зато не слышно было надъ самымъ ухомъ отвратительныхъ звуковъ рвущихся снарядовъ и тонкаго жужжанія разлетающихся осколковъ. Посылки на рейдъ или въ море въ эти дни были для насъ облегченіемъ, но нѣсколько минутъ выхода изъ гавани являлись критическими, такъ какъ это было самое опасное мѣсто. Какъ я уже говорилъ, японцы посылали снаряды правильными рядами по направленію къ угольнымъ складамъ, что давало возможность заранѣе знать, въ какое, приблизительно, мѣсто упадетъ слѣдующій снарядъ; въ то время, какъ крейсеръ находился еще въ проходѣ и занималъ всю длину его, видно было паденіе перваго снаряда въ городѣ, затѣмъ слѣдующій ложился передъ домомъ командира порта, третій на пристани, наконецъ, четвертый долженъ былъ упасть въ самомъ проходѣ, а корма еще не вышла изъ этой линіи смерти. Все дѣло въ нѣсколькихъ секундахъ, но тянутся онѣ страшно долго, въ ожиданіи, что сейчасъ, гдѣ-нибудь рядомъ, долженъ навѣрное упасть снарядъ.

Наконецъ, «Новикъ» вышелъ изъ гавани, а на томъ мѣстѣ, гдѣ только-что находилась корма, съ сухимъ трескомъ разорвался снарядъ; команда подбодрилась въ виду миновавшей опасности и начала глумиться, какъ надъ снарядомъ, такъ и надъ пославшими его японцами.

Въ Іюлѣ адмиралъ Витгефтъ снова началъ получать строгія предписанія Намѣстника во что бы то ни стало принять бой съ японскою эскадрой, при чемъ дава-

лись самыя невозможныя свѣдѣнія о состояніи японскаго флота. Большинство судовъ, по этимъ свѣдѣніямъ, было уничтожено или настолько повреждено, что въ Японіи будто не хватало доковъ, чтобы ихъ чинить, орудія совершенно разстрѣлены и лишены поэтому мѣткости, люди устали отъ непрерывной блокады. Однимъ словомъ, по увѣреніямъ Намѣстника, выходило такъ, что достаточно намъ было выйти въ море, чтобы обратить въ бѣгство разстроенныя силы противника. Между тѣмъ, благодаря непосредственнымъ наблюденіямъ, мы отлично знали состояніе японскаго флота. Тѣ суда, которыя были указаны Намѣстникомъ, какъ погибшія или стоящія въ докахъ, мы ежедневно видѣли передъ Артуромъ. Дѣйствительно, нѣсколькихъ судовъ, потонувшихъ отъ взрыва нашихъ минъ не хватало, какъ напримѣръ, броненосцевъ «Ятшма» и «Хатсузе», крейсера «Міака» и нѣкоторыхъ канонерскихъ лодокъ, но этого было слишкомъ мало, чтобы сравнять силы, тѣмъ болѣе, что наша эскадра была отчасти разоружена снятіемъ нѣкоторыхъ 6-ти-дюймовыхъ и 75 $^{m}/_{m}$ орудій, а также всей мелкой артиллеріи; кромѣ того, крейсеръ «Баянъ», получившій пробоину отъ японской мины, стоялъ въ докѣ.

Приказанія Намѣстника были настолько категоричны, что адмиралъ Витгефтъ, хотя и послалъ въ отвѣтъ донесеніе о плачевномъ состояніи нашего флота, но собралъ, тѣмъ не менѣе, военный совѣтъ съ участіемъ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ. На совѣтѣ этомъ я не присутствовалъ, но изъ разсказовъ очевидцевъ видно, что въ составленномъ протоколѣ было рѣшено флоту изъ Артура не уходить, такъ какъ онъ необходимъ для обороны крѣпости, какъ своими орудіями и запасами, такъ и людьми, которыхъ можно было выставить въ дессантъ около 7 тысячъ.

Протоколъ этотъ подписали всѣ присутствующіе, за исключеніемъ двухъ офицеровъ, которые находили, что флотъ долженъ выполнить свое прямое назначеніе—выйти

въ море и принять рѣшительный бой. Одинъ изъ нихъ былъ командиръ броненосца «Севастополь», капитанъ 1 ранга фонъ-Эссенъ, бывшій командиръ «Новика», а второй—командиръ канонерской лодки «Отважный», капитанъ 2 ранга Лазаревъ, бывшій старшій офицеръ «Новика»; оба они остались при особомъ мнѣніи, которое проводили до конца осады Артура. Если прослѣдить дальнѣйшія дѣйствія флота, то случай этотъ невольно наводитъ на самыя печальныя размышленія. Какъ извѣстно, изъ всѣхъ судовъ эскадры только два успѣли выйти въ море до потопленія въ гавани японскими 11-ти-дюймовыми мортирами,—суда эти были «Севастополь» и «Отважный»; если командиры этихъ судовъ, оставшись при отдѣльномъ мнѣніи, съумѣли въ рѣшительную минуту спасти свои корабли отъ безполезнаго уничтоженія, вышли въ море и въ теченіе долгаго промежутка времени боролись съ непрерывными минными аттаками, то невольно приходитъ въ голову мысль, не является-ли гибель нашихъ броненосцевъ въ гавани заранѣе обдуманнымъ преступленіемъ? Дѣйствительно-ли командиры этихъ броненосцевъ и крейсеровъ не могли выйти изъ гавани, или же они не хотѣли этого сдѣлать, предпочитая скрываться по блиндажамъ? Офицеры «Севастополя» разсказывали, будто командиру мѣшали выходить, не давая средствъ для этого, что заставило его чуть не силой захватить буксирные пароходы и вывести свой броненосецъ на рейдъ.

Вотъ вопросъ, который до сихъ поръ не поднимался, но, несомнѣнно, требуетъ самаго тщательнаго разслѣдованія.

Рѣшеніе военнаго совѣта было доведено до свѣдѣнія Намѣстника, который, отчаявшись лично воздѣйствовать на Начальника эскадры, принялъ рѣшительныя мѣры. 27-го Іюля въ Артуръ была доставлена телеграмма, гласившая: «Государь Императоръ приказалъ флоту выйти въ море и итти во Владивостокъ». Дальнѣйшихъ разговоровъ быть не могло, флотъ началъ готовиться къ

походу. Всю ночь грузили уголь, а на разсвѣтѣ 28 Іюля эскадра потянулась изъ гавани.

Не имѣя точныхъ данныхъ, которыя погибли у меня въ каютѣ на «Новикѣ», я не имѣю возможности вдаваться въ подробный разборъ этого боя съ военной точки зрѣнія, а могу лишь вспомнить отдѣльные эпизоды его, которыхъ все-таки достаточно, чтобы представить положеніе дѣла совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ это представлялось большей части общества, имѣвшаго возможность составлять свои мнѣнія только по отрывочнымъ газетнымъ извѣстіямъ.

Затруднительность выхода изъ Артура, какъ и 10-го Іюня, имѣла большое вліяніе на результаты этого дня.

Въ 4 часа утра «Новикъ» вышелъ первымъ на рейдъ, чтобы поддерживать тралящій караванъ, подготовлявшій безопасный фарватеръ для флота. Несмотря на всѣ приложенныя усилія, эскадра собралась на рейдѣ только черезъ 5 часовъ послѣ нашего выхода, а за пять часовъ японцы успѣли приготовиться къ встрѣчѣ.

Если бы флотъ могъ разомъ выйти въ море въ 4 часа утра, онъ былъ бы уже далеко отъ Артура, пока японцы успѣли бы собрать свои силы.

Когда миноносцы и пароходы съ тралами еще шли впереди эскадры, японцы начали производить на нихъ аттаки миноносцами, что заставило командира «Новика», не дожидаясь приказанія, выйти изъ строя и, минуя тралы, отогнать назойливаго врага.

Съ нашей стороны вышли въ море 10 судовъ, считая «Новикъ», который, какъ я уже упоминалъ, эскадреннаго боевого значенія не имѣлъ по слабости своей артиллеріи.

Изъ нихъ «Цесаревичъ», «Ретвизанъ», «Пересвѣтъ» и «Побѣда» были главною силой эскадры, какъ новѣйшаго типа броненосцы съ хорошимъ ходомъ; «Севастополь» и «Полтава», какъ броненосцы, были устарѣвшаго типа и имѣли, къ тому же, только 12 узловъ ходу, что все время тормозило эскадру. Если бы эти два бронеосца

были оставлены въ Артурѣ,—ходъ могъ быть доведенъ до до 16—17 узловъ, что позволило бы уйти отъ преслѣдованія; при 12-ти же узлахъ японцы становились по отношенію къ намъ въ какое угодно положеніе; затѣмъ, крейсеръ «Аскольдъ», хотя и небронированный, но хорошо вооруженный, былъ существеннымъ подспорьемъ; крейсера же «Паллада» и «Діана», построенные для русскаго флота по какому-то несчастному недоразумѣнію, не имѣли ни артиллеріи, ни брони, ни достаточнаго для современныхъ крейсеровъ хода, такъ что могли служить въ эскадрѣ только мишенью для непріятеля. Надо еще добавить, что на этихъ крейсерахъ нѣкоторыя 6-ти-дюймовыя пушки были оставлены въ Артурѣ на батареяхъ, а на броненосцѣ «Севастополь» вмѣсто 12-ти-дюймоваго орудія, установка котораго сломалась, была поставлена деревянная, крашеная модель.

Крейсеръ «Баянъ», какъ я говорилъ, стоялъ въ это время въ докѣ и, къ сожалѣнію, участвовать въ походѣ не могъ.

Адмиралъ Витгефтъ, будучи убѣжденъ, что флоту не дойти до Владивостока, составилъ по этому поводу донесеніе Государю и, одновременно съ выходомъ эскадры, послалъ его на миноносцѣ въ Чифу; въ штабѣ своемъ онъ говорилъ, что предчувствуетъ свою смерть и совершенно не разсчитываетъ на побѣду.

Настроеніе начальника естественно передается подчиненнымъ, такъ что флотъ нашъ выходилъ въ море въ полномъ убѣжденіи ожидающаго его пораженія, что, несомнѣнно, не могло не имѣть громаднаго вліянія на дальнѣйшія дѣйствія командировъ.

Японцы выставили 23 судна и болѣе 50 миноносцевъ, число которыхъ достигло до 100 къ заходу солнца. Уже одно сопоставленіе числа судовъ достаточно показываетъ, насколько силы были неравны.

Въ половинѣ перваго эскадры, въ кильватерныхъ колоннахъ, постепенно сближаясь, вступили въ бой, продолжавшійся безрезультатно, съ небольшимъ перерывомъ

до 3 часовъ. За это время, насколько я могъ судить, флотъ нашъ существенныхъ поврежденій не получилъ и продолжалъ медленно подвигаться на юго-востокъ, изрѣдка уменьшая ходъ, чтобы подождать отсталшіе «Севастополь» и «Полтаву». Крейсера были отдѣлены отъ броненосцевъ и во вторую половину боя шли отдѣльнымъ отрядомъ, почти не принимая участія въ бою.

Японцы начали бой, имѣя 12 судовъ въ кильватерной колоннѣ, а затѣмъ къ нимъ постепенно присоединились отряды крейсеровъ 2 класса съ юга, въ то время, какъ броненосецъ «Чиніенъ» съ тремя крейсерами подходилъ съ сѣвера.

Около 4-хъ часовъ японцы начали сближаться и бой снова завязался съ большимъ ожесточеніемъ; попаданія стали чаще, на броненосцахъ нашихъ видны были сломанныя мачты и поврежденныя трубы, попаданій въ корпусъ мы не могли видѣть, такъ какъ находились съ противоположной стороны отъ непріятеля. Около 5 часовъ «Цесаревичъ», неожиданно, безъ всякаго сигнала, сталъ поворачивать влѣво; броненосцы послѣдовали за нимъ, предполагая какой-нибудь маневръ, но оказалось, что «Цесаревичъ» получилъ серьезныя поврежденія и не можетъ управляться. Одновременно флотъ былъ извѣщенъ, что Начальникъ эскадры убитъ и командованіе переходитъ къ контръ-адмиралу князю Ухтомскому.

Броненосцы, ошибочно принявшіе невольный выходъ изъ строя «Цесаревича» за предпамѣренный поворотъ, сбились вокругъ него въ кучу, не зная, что слѣдуетъ дальше предпринимать; по обыкновенію, случай этотъ не былъ своевременно предусмотрѣнъ и командиры не имѣли точныхъ инструкцій; слѣдуя движенію «Ретвизана», они повернулись носами къ приближавшемуся непріятелю и встрѣтили его огнемъ своихъ носовыхъ башенъ, прикрывая «Цесаревича». Японцы, воспользовавшись замѣшательствомъ и кучностью нашей эскадры, усилили огонь и положительно засыпали броненосцы снарядами.

Наконецъ, былъ разобранъ сигналъ на «Пересвѣтѣ», поднятый за неимѣніемъ мачтъ, чуть-ли не на поручняхъ, предлагавшій эскадрѣ повернуть въ Артуръ.

Получивъ другое приказаніе отъ своего непосредственнаго начальника, мы не могли слѣдовать за броненосцами, такъ что дальнѣйшія событія мнѣ неизвѣстны; въ наступавшихъ сумеркахъ, быстро удаляясь отъ броненосцевъ въ другую сторону, намъ пришлось наблюдать героическое поведеніе броненосца «Ретвизанъ». Остановившись бортомъ къ непріятелю, онъ принялъ на себя огонь всего японскаго флота, давая время «Цесаревичу» отправиться и выравнять кренъ; нѣсколько минутъ стоялъ онъ, окруженный дымомъ и пламенемъ рвущихся японскихъ снарядовъ, а затѣмъ, догнавъ эскадру, сталъ на свое мѣсто.

Разбирать вопросъ, правъ, ли былъ князь Ухтомскій, возвратившись въ Артуръ—я не могу, такъ какъ не знаю, въ какомъ состояніи были наши суда къ этому времени. Могу только достовѣрно сказать, что, прорываясь сквозь непріятельскій флотъ, мы не замѣтили ни одного серьезно поврежденнаго судна и что эскадра наша была буквально окружена противникомъ, при чемъ главныя японскія силы находились впереди, на пути въ Владивостокъ, что совершенно не согласуется съ ложными газетными свѣдѣніями, которыя увѣряли, будто эскадра наша имѣла свободный путь передъ собой и была близка къ побѣдѣ.

Наоборотъ, повторяю, эскадра была окружена во много разъ сильнѣйшимъ противникомъ и на нее со всѣхъ сторонъ надвигались тучи миноносцевъ; можетъ быть другой, болѣе мужественный и талантливый начальникъ продолжалъ бы путь, несмотря на всѣ препятствія, но требовать этого отъ такой посредственности, какимъ былъ князь Ухтомскій, никто не можетъ. Не нужно было его дѣлать адмираломъ, это вѣрно; ну, а разъ назначили флотоводцемъ, такъ принимайте, каковъ есть. Еще спасибо, что онъ ушелъ въ Артуръ, а не сдался, какъ Небогатовъ.

Глава VIII.

Конецъ „Новика".

Въ то время, какъ броненосцы, послѣ неудачнаго боя 28 Іюля, повернули въ Артуръ, нами былъ замѣченъ сигналъ на крейсерѣ 1 ранга «Аскольдъ», гласившій: «слѣдовать за мной». Принадлежа къ крейсерскому отряду, мы тотчасъ же вступили въ кильватеръ «Аскольду, совершенно не зная его намѣреній. Обойдя кругомъ нашей эскадры, «Аскольдъ» далъ полный ходъ и бросился по направленію къ японскимъ миноносцамъ, которые въ громадномъ количествѣ начинали стягиваться къ мѣсту боя, какъ хищныя птицы, почуявшія падаль. При нашемъ приближеніи миноносцы кинулись вразсыпную, но на ихъ мѣсто спѣшили японскіе крейсера. Насколько мнѣ помнится, справа отъ насъ находился одинъ крейсеръ 1 ранга, а слѣва 5 или 6 крейсеровъ разныхъ типовъ,—вотъ между ними «Аскольдъ» и выбралъ дорогу.

Солнце садилось, темнота наступала довольно быстро, что, конечно, способствовало прорыву, но силы были слишкомъ неравныя, чтобы можно было надѣяться на благополучный исходъ.

Крейсера «Діана» и «Палада» пытались слѣдовать за нами, но, обладая гораздо меньшимъ ходомъ, очень быстро отстали. Удачный залпъ «Аскольда» заставилъ отойти находившійся справа крейсеръ 1 ранга, который тогда же прекратилъ преслѣдованіе, остальные же крейсера гнались за нами до полнаго наступленія темноты, все время осыпая нашъ путь снарядами. Обычное счастье продолжало намъ сопутствовать: ни одинъ снарядъ не нанесъ намъ серьезныхъ поврежденій, хотя разстояніе до непріятеля было чрезвычайно мало. Осколками разорвавшагося снаряда убило двухъ матросовъ и ранило доктора, который изъ любопытства вышелъ на мостикъ полюбоваться на это рѣдкое состязаніе въ скорости, продолжавшееся около часа.

Съ облегченіемъ стали мы, наконецъ, замѣчать, что японскіе крейсера не въ состояніи слѣдовать за нами и что разстояніе, хотя и медленно, но увеличивается, а затѣмъ наступившая темнота окончательно скрыла насъ отъ погони.

Прорывъ этотъ былъ, такъ сказать, лебединою пѣснѣй «Новика».

Надо сказать, что сложные современные котлы требуютъ очень внимательнаго ухода, постоянной тщательной чистки, а кромѣ того, имѣютъ опредѣленный срокъ службы, сравнительно очень небольшой, по окончаніи котораго необходимо мѣнять въ котлахъ трубки, а ихъ считаютъ тысячами. На крейсерѣ «Новикъ» котлы къ началу войны уже кончали свой срокъ службы и требовали существеннаго ремонта, между тѣмъ, за 7 мѣсяцевъ въ Артурѣ намъ съ трудомъ, изрѣдка, удавалось отвоевать какія-нибудь сутки, для самыхъ неотложныхъ исправленій. Почти все время «Новикъ» держали подъ парами, или въ полной готовности ихъ развести. Конечно, это являлось необходимымъ въ силу обстоятельствъ, но, тѣмъ не менѣе, котлы съ каждымъ днемъ разрушались все болѣе и болѣе.

Послѣдній прорывъ, когда пришлось дать самый полный ходъ, чтобы вырваться изъ непріятельскаго круга, окончательно надорвалъ котлы, и съ этого момента начинается медленная агонія «Новика», для котораго ходъ былъ—все.

Скрылись мы въ темнотѣ отъ непріятеля совершенно своевременно, такъ какъ пришлось остановить машины для прекращенія течи въ холодильникахъ.

«Аскольдъ» въ это время скрылся изъ виду, предоставивъ намъ дѣйствовать самостоятельно, хотя мы и просили его сигналомъ подождать. Офицеры «Аскольда» утверждаютъ, что они этого сигнала не видѣли.

Чтобы продолжать путь къ Владивостоку, намъ необходимо было зайти куда-нибудь принять уголь.

Эта необходимость многихъ приводила въ недоумѣніе и мнѣ часто задавали вопросъ, какъ могло случиться, что на «Новикѣ» оказалось мало угля, когда онъ только что вышелъ изъ Артура; кто-то обвинялъ даже командира въ непредусмотрительности, а между тѣмъ объясняется это очень просто.

Въ Артурѣ, передъ выходомъ въ море, былъ погруженъ полный запасъ угля, что составляетъ 500 тоннъ; запаса этого хватаетъ съ небольшимъ на одни сутки полнаго хода; съ момента выхода изъ Артура прошло болѣе 15 часовъ, изъ которыхъ половину надо считать на долю полнаго хода. Отсюда не трудно вывести, что угля у насъ оставалось недостаточно, чтобы идти во Владивостокъ. Для средняго (экономическаго) хода, при которомъ расходъ угля въ 10—12 разъ меньше, его бы, можетъ быть, и хватило, но мы должны были разсчитывать встрѣтить непріятеля, въ каковомъ случаѣ понадобилось бы снова давать большой ходъ.

Итакъ, необходимо было принять уголь; командиръ рѣшилъ зайти къ ближайшимъ сосѣдямъ—нѣмцамъ, у которыхъ мы могли встрѣтить радушный пріемъ. Подошли мы къ Кіао-Чау къ вечеру и, по исполненіи необходимыхъ формальностей, приступили къ погрузкѣ; грузили уголь всю ночь, но всетаки полнаго запаса принять не успѣли, такъ какъ намъ надо было до восхода солнца выбраться въ открытое море.

На разсвѣтѣ мы были уже далеко отъ Кіао-Чау, направляясь кругомъ Японіи въ Владивостокъ, такъ какъ Корейскій проливъ былъ занятъ японскими судами, переговоры которыхъ по безпроволочному телеграфу мы долго принимали на свой аппаратъ.

Переходъ этотъ былъ самымъ непріятнымъ воспоминаніемъ за всю войну: десять дней неизвѣстности и ожиданія, десять дней полной готовности и днемъ и ночью вступить въ бой, при сознаніи, что угля можетъ не хватить до нашихъ береговъ и что придется, можетъ быть,

остаться въ безпомощномъ положеніи среди океана или выбрасываться на японскій берегъ.

Страннымъ можетъ показаться эта неизвѣстность. Казалось бы, на военномъ кораблѣ должно быть точно извѣстно, сколько можетъ быть израсходовано угля, сколько его осталось и какое разстояніе можно пройти съ имѣемымъ запасомъ. Все это такъ, но послѣ 6—7 мѣсяцевъ постояннаго напряженія механизмовъ и котловъ, всѣ данныя настолько измѣнились, что опредѣлить свое положеніе точно стало совершенно невозможнымъ. Для примѣра скажу, что при произведенныхъ испытаніяхъ крейсера «Новикъ», въ началѣ его службы, было опредѣлено, что при среднемъ экономическомъ ходѣ расходуется около 30 тонн угля въ сутки; при такомъ расчетѣ, идя 10-тиузловымъ ходомъ, угля должно было за глаза хватить до Владивостока. Можно себѣ представить наше непріятное изумленіе, когда въ первыя сутки было истрачено 50 тонн, на вторыя 55, на третьи 58; при такомъ расходѣ, мы должны были оказаться безъ угля, подходя къ сѣвернымъ японскимъ берегамъ.

Я не берусь точно объяснить причину такого явленія, но по отзывамъ нашего механика понялъ, что расходъ угля увеличился въ зависимости отъ увеличенія расхода пара, что, въ свою очередь, произошло отъ изношенности механизмовъ и котловъ. Исправить это въ морѣ было немыслимо, и вотъ мы 10 дней находились подъ Дамокловымъ мечемъ: дойдемъ или недойдемъ? Приняты были всѣ мѣры, чтобы уменьшить расходъ угля: прекратили дѣйствія всякихъ вспомогательныхъ механизмовъ, вентиляторовъ, динамо-машинъ и т. п., жгли въ топкахъ мусоръ, смѣшивая его съ масляною краской, паклю съ масломъ, различныя деревянныя части, однимъ словомъ изобрѣтали всевозможные способы довести крейсеръ до русскихъ береговъ. Кто-то предложилъ даже высадить десантъ на островъ Чезо-Мацмай и нарубить дровъ. Въ началѣ явилась злость на измѣнившую намъ фортуну, потомъ ее смѣнила пол-

ная апатія—всѣ валялись по разнымъ угламъ, терпѣливо ожидая своей участи, вся работа ложилась только на механиковъ.

Для сокращенія пути держались возможно ближе къ берегамъ Японіи; прошли въ виду Токіо, ожидая, что насъ замѣтятъ и вышлютъ погоню, встрѣчались съ коммерческими пароходами, но останавливать ихъ, дабы отнять уголь, подъ самымъ берегомъ Японіи, было бы безразсудно. Это было возможно, пройдя Сангарскій проливъ, но тамъ мы уже ни одного парохода не встрѣтили.

Забылъ я упомянуть про нашу встрѣчу въ океанѣ съ крейсеромъ «Діана», который шелъ съ миноносцемъ, пробираясь изъ Артура.

Увидавъ въ морѣ два дыма, мы приготовились къ бою, но затѣмъ, узнавъ свой миноносецъ, пошли къ нему навстрѣчу. Командиръ нашъ приказалъ передать на «Діану», что мы идемъ во Владивостокъ и предложить идти совмѣстно, но на это предложеніе отвѣта мы недождались,—Діана вмѣстѣ съ миноносцемъ скрылись на югъ.

Не могу не вспомнить по этому поводу статьи въ одной изъ южныхъ газетъ нѣкоего господина Парфенова, который обвинялъ командира «Новика» за то, что тотъ «посмѣлъ» идти во Владивостокъ на такомъ слабомъ крейсерѣ, а не укрылся, подобно нѣкоторымъ судамъ, въ одномъ изъ иностранныхъ портовъ для того, чтобы разоружиться. Мы имѣли полную возможность остаться въ Кіао-Чау, подъ защитой нѣмцевъ, но подобный исходъ не только командиру, но и никому изъ насъ даже въ голову не приходилъ, потому что мы считали позорнымъ прятаться отъ врага, какъ цыплята подъ крылышко матери; даже больше, считали подобный поступокъ нисколько не лучше сдачи, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ сдаются врагу, при очевидной невозможности бороться, тутъ же, то же признаніе своего безсилія, та же сдача, только не лицомъ къ лицу съ непріятелемъ въ открытомъ

морѣ, а въ спокойномъ и тихомъ порту нейтральной державы.

Адмирала Небогатова будутъ судить за сдачу эскадры, а по моему первыми надо судить тѣхъ, кто позорно бѣжалъ отъ сраженія и спрятался гдѣ-то на Манилѣ.

Мы всѣ искренне возмущались, какъ повернулся языкъ у господина Парфенова обвинять командира «Новика» за то, что онъ не пошелъ на такой компромиссъ, а рѣшилъ честно выполнить приказаніе Государя Императора —идти во Владивостокъ.

Дойти намъ не было суждено. Судьба, покровительствовавшая «Новику» въ теченіе семи мѣсяцевъ, повидимому отвернулась, но совѣсть у командира и экипажа чиста: было сдѣлано все возможное.

Подходя къ Курильскимъ островамъ, выяснилось, что угля можетъ хватить только до поста Корсаковскаго (на югѣ Сахалина), гдѣ придется пополнить запасъ.

Утромъ мы должны были проходить мимо Японскаго маяка на одномъ изъ Курильскихъ острововъ. Проходить мимо него при дневномъ освѣщеніи было очень рисковано, такъ какъ маякъ соединенъ телеграфомъ со всей Японіей; ожидать же въ морѣ наступленія темноты не было возможности все изъ-за того же угля. Поневолѣ надо было выбирать первое; маякъ былъ покрытъ густымъ туманомъ, но когда мы подошли къ нему ближе—туманъ сразу разсѣялся и мы очутились на виду, какъ на ладони. Понятно съ маяка сообщили о нашемъ проходѣ куда слѣдуетъ, и за нами была выслана погоня.

Въ Корсаковкѣ немедленно приступили къ погрузкѣ угля; приготовленнаго, конечно, не было; приходилось подвозить его на пристань въ телѣгахъ, нагружать на баржи, а затѣмъ снова перегружать уже на судно; я былъ посланъ руководить погрузкой на берегу. Не могу описать достаточно ярко то радостное чувство, которое охватило меня при съѣздѣ на берегъ; послѣ 10-ти-дневнаго томительнаго перехода очутиться на берегу, на своемъ, рус-

скомъ берегу, съ сознаніемъ, что большая часть задачи уже выполнена, съ надеждой, что черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ на пути къ Владивостоку, уже безъ опасенія быть запертыми, все это наполнило меня какимъ-то дѣтскимъ восторгомъ. Роскошная природа южнаго Сахалина еще больше способствовала этому настроенію; команда, видимо, испытывала тѣ же ощущенія, потому что всѣ энергично и весело принялись за грязную работу погрузки угля.

Работа близилась къ концу, оставалось дослать только двѣ баржи, какъ вдругъ доложили мнѣ, что съ крейсера по семафору получено приказаніе немедленно прекратить работы и возвращаться на судно, такъ какъ аппаратъ безпроволочнаго телеграфа принимаетъ японскія депеши; сразу точно что-то оборвалось внутри, мелькнуло сознаніе чего-то безвыходнаго, и настроеніе, надо сознаться, круто перемѣнилось изъ радостнаго въ высшей степени угнетенное. Очень не хотѣлось покинуть этотъ уютный и веселый на видъ уголокъ, чтобы пускаться въ такое сомнительное предпріятіе, какъ бой съ неизвѣстнымъ пока противникомъ. Если слышны японскія телеграммы, то ясно, что непріятель не одинъ, тогда ему не съ кѣмъ было бы разговаривать, а сколько и кто именно? Всѣ японскіе крейсера даже въ одиночку сильнѣе «Новика», а тутъ еще полнаго хода дать нельзя, такъ какъ въ двухъ котлахъ лопнули трубки. Заливъ Бенива, въ глубинѣ котораго расположенъ Корсаковскъ, имѣетъ видъ мѣшка: изъ него трудно благополучно выскочить. Несомнѣнно, близилась развязка.

Пока такія невеселыя думы бродили въ головѣ, команда усѣлась на барказъ и черезъ нѣсколько минутъ мы были уже на крейсерѣ, который тотчасъ же снялся съ якоря и пошелъ навстрѣчу дымку, показавшемуся на горизонтѣ.

Тяжелое ощущеніе рѣшительной минуты видимо подѣйствовало на всѣхъ: не слышно было обычныхъ шутокъ, всѣ сосредоточенно дѣлали послѣднія приготовленія

къ бою и напряженно всматривались въ приближавшагося непріятеля, стараясь опредѣлить, какого противника намъ придется имѣть. Въ скоромъ времени удалось уже настолько разсмотрѣть его, чтобы опредѣлить типъ; оказался одинъ изъ крейсеровъ «Нитака» или «Тусимо», на которомъ по шести орудій въ 6 дюймовъ и 10 по 75$^{m/m}$, тогда какъ у насъ было всего 6 орудій по 4,7 дюйма, что составляло довольно невыгодное для насъ соотношеніе, въ особенности при сознаніи, что въ Лаперузовомъ проливѣ стоитъ еще одинъ крейсеръ, если не больше. Дали возможно большій ходъ и быстро стали сближаться: уже хорошо сталъ виденъ весь крейсеръ, видны были простымъ глазомъ надстройки, въ бинокль можно было разсмотрѣть людей; японскій крейсеръ повернулъ и пошелъ на пересѣчку—блеснулъ огонекъ, на который мы разомъ отвѣтили всѣмъ бортомъ,—завязался бой.

Въ началѣ, какъ всегда, были перелеты; затѣмъ снаряды стали ложиться ближе и, наконецъ, раздался первый тревожный крикъ: «пробоина въ каютѣ старшаго офицера!» Назначенные люди съ инструментами бросились задѣлывать, насколько возможно, поврежденіе, но въ это время уже неслись возгласы: «пробоина въ жилой палубѣ! Пробоина въ каютъ-компаніи»! Людей раздѣлили въ разныя мѣста, орудія, между тѣмъ, продолжали дѣйствовать безостановочно, и снаряды наши ложились достаточно правильно. Уже нами было получено нѣсколько пробоинъ, но не въ жизненныхъ частяхъ, жертвъ еще не было, когда изъ машины передали непріятное извѣстіе, что еще въ двухъ котлахъ лопнули трубки, ходъ сразу уменьшился; невольно въ груди закипала безсильная злоба, подкатывалась клубкомъ къ горлу и разражалась грубыми ругательствами. Противъ кого была эта злоба,—отчета я себѣ не отдавалъ, но старался излить ее на противника. Небольшого калибра снарядъ упалъ на корму, убилъ коменданора ютоваго орудія, разорвалъ его почти пополамъ и тяжело ранилъ двухъ человѣкъ изъ прислуги. «Началось!»

пронеслось въ головѣ! Сейчасъ будетъ моя очередь». А между тѣмъ языкъ по привычкѣ продолжалъ отдавать необходимыя приказанія. Командоръ орудія противоположнаго борта самъ прибѣжалъ замѣнить убитаго и, разставивъ ноги надъ его трупомъ, хладнокровно посылалъ одинъ снарядъ за другимъ, стараясь отомстить за смерть товарища.

За спиной у меня раздался страшный взрывъ; въ ту же секунду я почувствовалъ ударъ въ голову и сильнѣйшую боль въ боку, дыханіе захватило и первое впечатлѣніе было, что у меня вырвало кусокъ бока, такъ что я началъ осматриваться, куда удобнѣе будетъ падать; черезъ нѣсколько времени дыханіе возвратилось и только тогда я замѣтилъ, что раненъ въ голову, а бокъ только контуженъ; кругомъ меня лежали убитые и стонали раненые; барабанщикъ рядомъ, держась за голову, плачевнымъ голосомъ доложилъ: «Ваше Высокоблагородіе, у Васъ мозги вылѣзли». Это меня заставило даже разсмѣяться: врядъ-ли бы я могъ стоять, если бы у меня мозги полѣзли; на всякій случай пощупалъ рукой; попалъ, дѣйствительно, во что-то теплое и мягкое, должно быть, сгустокъ крови, но такъ какъ особенной боли не чувствовалъ, то перетянулъ голову платкомъ и началъ подбирать раненыхъ. Этотъ снарядъ сразу выхватилъ десять человѣкъ.

Въ это время сообщили, что получена серьезная пробоина въ рулевомъ отдѣленіи; крейсеръ сильно сѣлъ на корму и накренился; механикъ прислалъ сказать, что еще два котла выведено; итого уже шесть котловъ были приведены въ бездѣйствіе, ходъ уменьшился, больше чѣмъ на половину. Становилось яснымъ, что уйти не удастся, а тутъ еще изъ рулевого отдѣленія передали, что вода быстро прибываетъ и рулевая машина не можетъ дѣйствовать. Безъ руля же крейсеръ не только что сражаться, но и ходить не можетъ.

На кормѣ почти все снесло, кормового мостика точно

не существовало, его окончательно разметало. Только орудія по счастью не были тронуты и продолжали попрежнему поддерживать быстрый огонь; изъ кормовой прислуги остались цѣлыми всего два или три человѣка, такъ что замѣнять приходилось первыми попавшимися подъ руку.

Къ удивленію нашему замѣтили, что непріятель, вмѣсто того, чтобы еще упорнѣе поддерживать бой, видя наше не совсѣмъ исправное состояніе, началъ быстро уходить въ море и прекратилъ огонь; послали ему въ догонку еще нѣсколько снарядовъ и, управляясь одними машинами, повернули обратно въ Корсаковскъ, чтобы осмотрѣться.

Вода быстро наполняла кормовые отсѣки и появилась уже въ каютъ-компаніи. Мы настолько не были увѣрены, что дойдемъ съ нашими поврежденіями до Корсаковска, что держались возможно ближе къ берегу, чтобы легче было спасать команду.

Въ Корсаковскѣ стали на якорь, осмотрѣли поврежденія и пришли къ заключенію, что спасти крейсеръ нѣтъ никакой возможности. Пробоины были настолько велики и многочисленны, что за ночь ихъ не только что зачинить не поспѣешь, но даже воду изъ отсѣковъ не удастся откачать, тѣмъ болѣе, что въ Корсаковскѣ нѣтъ для этого никакихъ средствъ, а свои или затоплены или повреждены.

Напомню, что въ Артурѣ одну пробоину, полученную нами 27-го Января, чинили въ докѣ, при спѣшной работѣ мастеровыми, десять дней. Въ такомъ видѣ вступать въ бой не было возможности, уйти также, тѣмъ болѣе, что въ проходѣ сторожили японцы со свѣжими силами. Свѣтъ ихъ прожекторовъ мы видѣли всю ночь. Оставался одинъ исходъ: затопить крейсеръ, вѣрнѣе, носовую часть, такъ какъ кормовая была почти подъ водой.

Погрузили крейсеръ на дно, на мелкомъ мѣстѣ, потому что мы находились въ нашемъ, русскомъ, порту, и

думали, потребовавъ средства изъ Владивостока, поднять его впослѣдствіи и исправить. Не могли же мы предполагать, что по Портсмутскому договору южная часть Сахалина, вмѣстѣ съ «Новикомъ», будетъ передана японцамъ!

Къ утру команда была свезена на берегъ, а отъ крейсера видны были только трубы и верхнія надстройки.

Жаль было видѣть «Новикъ» въ такомъ безпомощномъ положеніи, но что дѣлать: потерялъ «Новикъ» свой ходъ въ непрестанной работѣ,—укатали Сивку крутыя горки.

Глава IX.

Переходъ черезъ Сахалинъ.

Высадившись въ посту Корсаковскомъ послѣ гибели «Новика», команду размѣстили по казармамъ и частнымъ домамъ, офицеры же довольно удобно устроились въ квартирѣ одного изъ обывателей.

Всѣхъ раненыхъ немедленно отвезли въ мѣстный военный лазаретъ, гдѣ двоимъ нужно было сдѣлать серьезныя операціи. Докторъ, хирургъ, пріѣхавшій изъ села Владиміровки, исполнилъ все, что отъ него зависѣло, но оба оперированные умерли отъ зараженія крови, такъ какъ лазаретъ вовсе не былъ приспособленъ для операцій и оказался страшно запущеннымъ.

Молодой, очень симпатичный военный докторъ мѣстнаго гарнизона больше, кажется, занимался обученіемъ нижнихъ чиновъ музыкѣ, чѣмъ лазаретомъ. Нашъ судовой врачъ Н. В. Лисицинъ былъ раненъ въ руку во время прорыва изъ Артура, а потому не могъ принимать участія въ оперированіи. Пришлось, дожидаясь своей очереди, перевязываться, помогать хирургу одновременно отрѣзать руку и ногу, въ то время, какъ кругомъ раздавались стоны и жалобы остальныхъ раненыхъ.

Если не ошибаюсь, на слѣдующій же день была получена телеграмма отъ адмирала Скрыдлова, спѣшно вызывавшая командира «Новика» въ Владивостокъ, чтобы принять въ командованіе крейсеръ 1 ранга «Громобой», а остальнымъ офицерамъ съ командой предлагалось выступить походнымъ порядкомъ въ Александровскъ. Путешествіе предстояло длинное и нелегкое, такъ какъ до Александровска считается больше 600 верстъ. Надо было серьезно обдумать вопросъ о довольствіи въ виду того, что дорога большею частью идетъ по глухой, необитаемой мѣстности, на много верстъ углубляясь въ непроходимую, болотистую тайгу, переходя постепенно изъ почтоваго тракта въ едва замѣтную таежную просѣку, на которой можно встрѣтить развѣ только лѣсного бродягу, бѣглаго каторжника.

Про Корсаковскъ и его обитателей можно было бы разсказать много интереснаго и поучительнаго, но мнѣ не хочется обижать людей, которые весьма сочувственно отнеслись къ намъ и дѣлали все возможное, чтобы угодить.

Не называя именъ, скажу только, что вообще чиновники на Сахалинѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, легкомысленно относятся къ интересамъ казны, не говоря уже о процвѣтаніи края.

Какъ одинъ изъ примѣровъ подобнаго отношенія, можно привести операціи съ рыбными промыслами. Дѣло въ томъ, что японцы не имѣли права, а если имѣли, то въ ограниченномъ числѣ, заводить рыбалки по берегу Сахалина; такъ вотъ японецъ, желавшій, но не имѣвшій этого права, покупалъ у мѣстнаго чиновника имя, и подъ этимъ именемъ спокойно обиралъ деньги и рыбу, которыя увозились въ Японію. Вся сѣверная Японія кормилась нашею Сахалинскою рыбой, а государству не было отъ этого никакой прибыли, не говоря уже про край, который безжалостно разорялся съ каждымъ годомъ.

Нашихъ же, русскихъ, предпринимателей, которые

дѣйствительно бы занялись этими, богатѣйшими въ мірѣ, рыбными промыслами почти не было. Являлись какіе-то авантюристы, вродѣ господина Крамаренко, которымъ правительство давало субсидію, но и тѣ находили для себя удобнѣе и выгоднѣе передать все дѣло въ руки японцевъ, а самимъ проживать заграницей, скупая чуть не даромъ, при посредствѣ своихъ приказчиковъ, соболей у инородцевъ за табакъ и водку и продавая ихъ за большую цѣну скупщикамъ-иностранцамъ.

Въ бытность мою въ Александровскѣ мнѣ пришлось говорить съ губернаторомъ Сахалина по поводу различныхъ злоупотребленій; разговоръ этотъ ему, видимо, не понравился, такъ какъ онъ скоро перемѣнилъ тему, сознавшись, однако, что сахалинскіе чиновники ввели злоупотребленія въ традицію, и для того, чтобы искоренить ее, слѣдовало бы принять какія-нибудь экстра-радикальныя мѣры; напримѣръ, на одномъ пароходѣ увезти весь штатъ служащихъ, а на другомъ привезти новыхъ, такъ, чтобы они другъ съ другомъ не разговаривали, иначе зараза останется и все пойдетъ по старому.

На другой день, утромъ, послѣ нашей высадки, къ Корсаковску подошелъ второй японскій крейсеръ, сторожившій насъ въ Лаперузовомъ проливѣ; увидавъ останки «Новика», онъ открылъ по нимъ совершенно безцѣльную стрѣльбу, разбивъ окончательно, уже и безъ того поврежденныя, трубы и надстройки; затѣмъ, подъ видомъ нечаянныхъ перелетовъ, онъ началъ бомбардировать беззащитный поселокъ, что совершенно противно международному праву. Перелеты были настолько велики, что сомнѣваться въ намѣреніяхъ японскаго крейсера было невозможно; снаряды выпускались даже по отдѣльнымъ матросамъ, бродившимъ по берегу съ вещами.

Въ Корсаковскѣ провели 10 дней, чтобы приготовиться къ походу; заготовили вьючныя сѣдла, переметныя суммы, снарядили лошадей для вьюковъ, запасли сухарей и консервовъ и 17 Августа, въ составѣ 8 офицеровъ и 270 чело-

вѣкъ команды, выступили съ музыкой по почтовой дорогѣ; музыканты ни за что не хотѣли оставить своихъ инструментовъ и всю дорогу тащили ихъ на себѣ.

Человѣкъ 45, главнымъ образомъ спеціалистовъ, оставили въ Корсаковскѣ, чтобы снять съ «Новика» орудія и спасти, что будетъ возможно, изъ запасовъ. Людямъ этимъ дана была инструкція, въ случаѣ нападенія, взорвать крейсеръ окончательно, что и было ими исполнено передъ высадкой японцевъ на Сахалинъ.

Въ 9 верстахъ, въ поселкѣ Соловьевка, мы разстались съ Корсаковскими обывателями, устроившими здѣсь проводы.

Первый же ночлегъ привелъ насъ всѣхъ въ полное отчаяніе: такого количества блохъ и клоповъ, какъ на Сахалинѣ, въ поселкахъ я никогда себѣ не представлялъ; положительно весь Сахалинъ можно назвать сплошнымъ клоповникомъ. Спутники мои первое время брезгливо сбрасывали съ себя всю эту нечисть, но въ концѣ-концовъ привыкли и прекрасно спали въ самомъ многочисленномъ сообществѣ. Я, кажется, оказался единственнымъ, обладающимъ настолько чувствительною кожей, что сначала буквально весь распухалъ отъ укусовъ, а затѣмъ рѣшилъ, что лучше спать на открытомъ воздухѣ, у костра, чѣмъ всю ночь мучиться.

Въ первомъ большомъ селѣ—Владимировкѣ—намъ устроили торжественную встрѣчу, о чемъ насъ предупреждали заранѣе. Приблизительно за версту мы остановили нашъ авангардъ, состоявшій изъ любителей-ходоковъ, далеко опередившихъ обозъ, и ружейную команду, построили приличную колонну и съ музыкой вошли въ тріумфальную арку, украшенную зеленью, съ надписью: «привѣтъ морякамъ» или «героямъ «Новика». Точно не помню, что тамъ было написано, такъ какъ по дорогѣ насъ вездѣ встрѣчали тріумфальными арками съ различными лестными надписями. Населеніе поднесло хлѣбъ-соль, говорились рѣчи съ той и другой стороны, а за-

тѣмъ команду отвели на площадь, гдѣ отъ обывателей имъ былъ приготовленъ обѣдъ.

Интеллигенція Владиміровки чествовала и развлекала офицеровъ всѣми возможными способами, такъ что на другой день утромъ мы съ тяжелою головой выступили въ дальнѣйшій путь, все болѣе и болѣе отдѣляясь отъ отъ цивилизованныхъ мѣстъ.

Движеніе по почтовой дорогѣ отличалось крайнимъ однообразіемъ; рано утромъ выступали и, если предполагалось пройти не больше 25 верстъ, то шли въ одинъ пріемъ; если же переходъ превышалъ 25 верстъ, то его дѣлили попаламъ и вторую половину доканчивали подъ вечеръ. Обыкновенно я выѣзжалъ съ командой и офицерской кухней впередъ съ вечера, чтобы утромъ начинать готовить обѣдъ; такое путешествіе ночью иногда выдавалось очень тяжелое, когда случалось идти подъ дождемъ. Дорога идетъ по тайгѣ, проложена довольно прилично, сдѣланы канавы, но въ дождь глинистая почва растворяется и движеніе становится положительно невозможнымъ; лошади скользятъ, возы завязаютъ, въ непроглядной темнотѣ рискуешь ежеминутно свалиться въ придорожную глубокую канаву.

Слѣдующая ночевка пришлась на водяной мельницѣ, въ очень красивой долинѣ, по которой протекаетъ быстрая лѣсная рѣчка. Наканунѣ на этой мельницѣ было совершено убійство: рабочій изъ ревности убилъ 13-ти-лѣтнюю дѣвочку; это говоритъ все и достаточно обрисовываетъ нравы и обычаи; пришлось ночевать въ сосѣдствѣ съ этимъ трупомъ, который не трогали до пріѣзда судебныхъ властей.

На этой же мельницѣ насъ догналъ начальникъ Корсаковскаго округа, З., подъ предлогомъ осмотра подвѣдомственныхъ поселеній удравшій изъ Корсаковска, напуганный бомбардировкой. Говорятъ, что онъ никуда прежде не ѣздилъ; съ появленіемъ же японцевъ устремился въ глухую тайгу, гдѣ, кажется, высидѣлъ очень долгое время.

Отсюда почтовая дорога постепенно перешла въ проселокъ, который затѣмъ окончательно потерялся въ прибрежныхъ морскихъ пескахъ.

Съ мельницы, которая называется «Большое Токое», я, по обыкновенію, вышелъ къ почи и попалъ подъ проливной дождь. Несмотря на непромокаемый плащъ, я, послѣ 30-ти-верстнаго перехода, былъ вымоченъ до костей, когда подошелъ къ поселку Галкино-Врасское. Въ поселкѣ этомъ всѣ, конечно, уже спали и долго никто не хотѣлъ отворять, принимая насъ за обыкновенныхъ бродягъ; послѣ усиленныхъ стараній мнѣ удалось достучаться къ тюремному смотрителю, который снабдилъ меня сухимъ платьемъ и распорядился отвести помѣщеніе для команды.

На слѣдующій день достали два «кунгаса» (большія рыболовныя японскія лодки), нагрузили ихъ запасною провизіей и, посадивъ болѣе слабыхъ людей, отправили моремъ; кунгасы эти должны были выбрасывать въ пунктахъ нашихъ будущихъ остановокъ консервы и сухари.

Подводы, которыя до сихъ поръ везли припасы, мы должны были частью оставить, такъ какъ дорога окончательно дѣлалась непроходимою. Хотя она и называется почтовой, но благодаря бдительному надзору и честному отношенію къ казеннымъ деньгамъ, ассигнуемымъ на поддержаніе путей сообщенія, превратилась въ едва замѣтную пѣшеходную тропинку, которая вьется по просѣкѣ, изрѣдка вырываясь къ морю, перескакивая рѣки, на которыхъ мосты когда-то были, но давно вешними водами унесены въ море. Слѣдуя берегомъ, неоднократно приходилось наталкиваться на зыбучіе пески въ устьяхъ многочисленныхъ рѣчекъ. Странное составляетъ впечатлѣніе этотъ песокъ: съ виду крѣпкій и ничѣмъ не отличающійся отъ окружающго, песокъ этотъ поддается подъ ногой, какъ вода; камень, брошенный въ него, немедленно тонетъ; безъ проводниковъ намъ совѣтовали не ходить. Рѣчки иногда попадались настолько широкія и глубокія,

что въ бродъ перейти ихъ было невозможно, и мы съ большими затрудненіями переправлялись на маленькихъ лодкахъ и плотахъ. Оставшіяся подводы только мѣшали движенію, такъ какъ лошади, въ конецъ измучившись, отказывались везти; одна изъ нихъ окончательно стала среди болота, что заставило выгрузить вещи въ тайгѣ, оставить двухъ часовыхъ и выслать свѣжую лошадь со слѣдующаго пункта; другая, выпряженная изъ завязнувшаго въ грязи воза, убѣжала ночью и въ лѣсу потеряла хомутъ; пришлось за 50 верстъ посылать за новою упряжью; хорошо еще, что намъ въ проводники дали трехъ каторжниковъ-грузинъ изъ Корсаковской дружины, которые дѣлали такіе разъѣзды быстро и легко.

Какъ-то ночевали въ аинской деревнѣ. Старикъ аинецъ, у котораго до нашего прихода останавливался командиръ «Новика», заранѣе приготовилъ намъ довольно чистое помѣщеніе, сверхъ всякаго ожиданія, безъ насѣкомыхъ; по всей вѣроятности, онъ самъ въ немъ не жилъ, а отдавалъ японцамъ-промышленникамъ.

Въ этой деревнѣ, считающейся столицей, откармливаются медвѣди для аинскихъ праздниковъ; сидятъ они въ деревянныхъ клѣткахъ, которыя могли бы свободно разметать, но будучи посажены совсѣмъ маленькими, повидимому, объ этомъ не догадываются.

На праздникъ собираются аины изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ тайги, медвѣдя выводятъ изъ клѣтки на ремняхъ, болѣе смѣлые бросаются на него и окончательно связываютъ, послѣ чего убиваютъ стрѣлами; во время этой церемоніи аины танцуютъ и поютъ молитвы; бываетъ, что въ борьбѣ медвѣдь кого-нибудь укуситъ или даже поломаетъ руку, но это считается божьимъ благословеніемъ.

Наконецъ, мы дошли по послѣдняго пункта, гдѣ замѣчались кое-какіе признаки дороги, именно до Сераро-ко. Пунктъ этотъ памятенъ мнѣ только тѣмъ, что тамъ, наканунѣ нашего прихода, сожительница надзирателя убила изъ ружья, дробью, постоваго солдата.

Вообще, убійство на Сахалинѣ—явленіе самое обыкновенное; за время нашего похода, въ мѣстахъ нашихъ остановокъ было совершено 8 убійствъ и это въ военное время, когда за каждое убійство вѣшали безъ разговоровъ. Что же дѣлается тутъ въ мирное время? Положимъ, оно перестаетъ быть страшнымъ, когда встрѣчаешь такихъ типовъ, какъ нѣкій поселенецъ, живущій одиноко въ тайгѣ, у избы котораго намъ какъ-то пришлось остановиться для обѣда.

Убійца онъ убѣжденный, безъ раскаянія и страха; откровенно заявляетъ, что ему нужны деньги, а стало быть изъ-за нихъ онъ убивалъ и убьетъ кого угодно. «Теперь, говоритъ, я безопасенъ на Сахалинѣ, но дайте мнѣ добраться до материка, я имъ покажу себя».

Убилъ онъ много народу и въ Одессѣ, и въ Севастополѣ, и въ другихъ городахъ южной Россіи, гдѣ былъ предводителемъ разбойничьей шайки. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ живетъ, былъ когда-то поселокъ, но выгорѣлъ; поселенцы перемѣнили мѣсто, а онъ остался одинъ, и вотъ уже много лѣтъ живетъ отшельникомъ, никого не видя и никого не желая къ себѣ приглашать. Много разъ на него нападали бѣглые каторжники, но этотъ шестидесятилѣтній старикъ, громаднаго роста и силы, одинъ отъ нихъ отбивался и прогонялъ; всѣ стѣны его избы изрѣшетены винчестерскими пулями, предназначавшимися для него и неизвѣстно, зачѣмъ судьба спасаетъ его, въ сущности никому не нужное и опасное, существованіе.

Отъ Сераро́ко намъ предстояло войти прямо въ дебри болотистой тайги, а потому мы задержались тутъ на сутки, чтобы приготовить вьючныхъ лошадей, запасти провизіи и вообще подтянуться передъ тяжелымъ переходомъ.

До бывшаго аинскаго поселка Чха-Поронай есть двѣ дороги: одна просѣкой, другая, болѣе короткая, берегомъ моря, но зато по ней можно идти только пѣшкомъ, такъ какъ лошади не прошли бы по камнямъ и скаламъ, нагроможденнымъ на обрывистомъ берегу.

Я предпочелъ вести команду берегомъ, но на мое несчастье, только что мы двинулись, какъ пошелъ дождь и немедленно вымочилъ меня насквозь; вышелъ я въ одномъ кителѣ, разсчитывая на хорошую погоду, и въ концѣ-концовъ не только вымокъ, но и промерзъ отъ холоднаго морского вѣтра. Пришли мы гораздо раньше вьючныхъ лошадей, на которыхъ наши вещи медленно двигались по тайгѣ, и не знаю, что бы я дѣлалъ, если бы шедшій съ нами бродяга, бывшій каторжникъ, увязавшійся до Александровска, не уступилъ мнѣ своего арестантскаго халата.

Развести костры стоило не малаго труда; дрова, намокшіе отъ дождя, не хотѣли загораться, а если и вспыхивалъ огонекъ, то его немедленно заливало; болѣе или менѣе сухое мѣсто, выбранное для ночевки, обратилось въ сплошное болото, въ которое намъ пришлось лечь, накрывшись вѣтками и травой, мало спасавшихъ насъ отъ дождя. Наконецъ, кое-какъ удалось сварить обѣдъ командѣ, оказавшійся всетаки недовареннымъ и жидкимъ отъ прибавки дожевой воды, но мокрая и утомленная команда, пройдя 25 верстъ по невылазной грязи, въ почти непроходимомъ лѣсу, забыла про обѣдъ и, наскоро закусивъ, завалилась спать, какъ была, мокрая, въ болото, чтобы утромъ, такъ и не просохнувъ, подъ нескончаемымъ дождемъ двинуться дальше по тайгѣ, по которой предстояло пройти еще 30 верстъ до перваго жилаго мѣста.

Половину этого перехода, какъ я говорилъ, мнѣ удалось сдѣлать по берегу моря относительно хорошо, намявъ себѣ только ноги на острыхъ камняхъ, остальныя же 30 верстъ я имѣлъ возможность вполнѣ насладиться прелестями Сахалинской тайги осенью, пройти которую достаточно одинъ разъ въ жизни, чтобы никогда ея не забыть.

Сначала попробовалъ ѣхать верхомъ, но лошадь съ мѣста увязла въ трясинѣ по брюхо и можетъ быть окон-

чательно бы утонула, если бы я не успѣлъ во время соскочить, провалившись, въ свою очередь, по поясъ; послѣ этого, жалѣя лошадь, я все время шелъ пѣшкомъ.

Чтобы представить себѣ эту дорогу, достаточно сказать, что на протяженіи 30 верстъ мы перешли въ бродъ рѣки и рѣчки 147 разъ; берега этихъ рѣчекъ глинисты и обрывисты, такъ что лошади и люди скользятъ, падаютъ, портятъ себѣ ноги, а выбравшись на берегъ, попадаютъ снова въ болото, гдѣ идутъ по колѣно въ тинѣ, а сверху въ это время льетъ и льетъ безъ конца.

Картина кругомъ самая унылая: голый, громадный лѣсъ на грязно-буромъ болотѣ, сѣрая сѣтка дождя и мутные потоки горныхъ рѣчекъ.

Къ вечеру, обогнавъ обозъ, я вышелъ къ рѣкѣ Магунь-катанъ; на противоположномъ берегу привѣтливо раскинулось нѣсколько домиковъ и телеграфная станція; переправивъ на лодкѣ себя и свою лошадь, я немедленно принялся готовить горячій обѣдъ для команды, чтобы хоть чѣмъ-нибудь развеселить ее послѣ такого убійственнаго перехода.

Довольно поздно перебрались отставшія лошади, но видъ ихъ не внушалъ довѣрія; казалось, еще немного и онѣ падутъ. Вьюки, намокшіе въ рѣкахъ и отъ дождя, сползали съ плохихъ сѣделъ, лошади падали, приходилось ихъ перевьючивать, что главнымъ образомъ утомляло команду. Дорога настолько была непривычна матросамъ и тяжела, что сильные здоровые люди садились въ изнеможеніи на землю и отказывались идти дальше, предпочитая остаться въ тайгѣ.

Подъ вечеръ, когда стало темнѣть и всѣ начали торопиться засвѣтло дойти до жилого мѣста, 10 человѣкъ настолько отстали, что ихъ невозможно было дожидаться изъ опасенія снова всѣмъ заночевать въ болотѣ; изъ нихъ 8 пришли въ поселокъ въ 10 часовъ вечера, двое же окончательно обезсилѣли и легли отдыхать прямо въ грязь: добрались они только къ 2 часамъ ночи; какъ они только

не свернули себѣ шеи, спускаясь съ крутыхъ обрывовъ въ полной темнотѣ и не поломали ногъ на корняхъ и корягахъ!

Нѣсколько человѣкъ, послѣ этого 50-ти-верстнаго перехода, пришли въ полное изнеможеніе и ихъ отправили въ кунгасѣ, успѣвшемъ къ этому времени подойти моремъ.

Отдохнувъ и набравшись силъ, выступили въ слѣдующій поселокъ Найэро, до котораго считается 40 верстъ, но дорога идетъ почти все время берегомъ моря, такъ что, выбирая часы отлива, можно было двигаться сравнительно легко по прибрежному осыхающему песку. По дорогѣ останавливались въ покинутыхъ японскихъ рыбныхъ промыслахъ, разбросанныхъ въ большомъ числѣ по всему восточному берегу Сахалина; почти черезъ каждыя 4—5 верстъ построены сараи и лежатъ перевернутыя рыбачьи лодки; въ этихъ сараяхъ спасались отъ дождя, который ни за что не хотѣлъ отъ насъ отстать. По словамъ мѣстныхъ жителей, дождь—явленіе постоянное, что обратило весь Сахалинъ въ сплошное болото, съ рѣдкими сухими мѣстами по берегамъ рѣчекъ, гдѣ вода имѣетъ стокъ.

Не торопясь, дошли до Найэро, чтобы не утомлять людей, которымъ предстоялъ еще самый трудный переходъ—знаменитая Онорская просѣка. Въ Найэро жилъ окружной лекарскій помощникъ, встрѣтившій насъ въ мундирѣ и бѣлыхъ перчаткахъ и любезно предложившій офицерамъ помѣститься у себя въ домѣ. Съ виду очень чистыя комнаты привели насъ въ восторгъ и мы, вспоминая ужасы ночевокъ въ юртахъ и губахъ, гдѣ насъ одолѣвали насѣкомыя, радовались, что наконецъ удастся проспать на чистыхъ постеляхъ. Можно себѣ представить мой ужасъ, когда, отвернувъ простыню на своей кровати, я вспугнулъ десятка два клоповъ, которые медленно расползлись въ разныя стороны; не говоря ни слова, я взялъ подушку и отправился въ конюшню на сѣновалъ, гдѣ провелъ ночь въ компаніи съ тремя грузинами, нашими проводниками.

Въ концѣ-концовъ, любезный фельдшеръ подалъ намъ небывалыхъ размѣровъ счетъ, между прочимъ сосчитавъ, что мы за 2 дня съѣли съ чаемъ 10 фунтовъ варенья. Въ этомъ родѣ было составлено остальное, такъ что, несмотря на интеллигентную внѣшность, его обозвали мошенникомъ и бросили деньги, которыя онъ живо подобралъ и больше на глаза не показывался. Это былъ послѣдній изъ шайки Корсаковскаго округа.

Послѣ Онора картина сразу перемѣнилась и подъ привѣтливой радушной встрѣчей уже не таилось желаніе обобрать до нитки.

Изъ Найэро команда пошла пѣшкомъ по Онорской просѣкѣ, мнѣ же поручено было перевести на кунгасахъ ружья и вьюки съ вещами по рѣкѣ Пороной, такъ какъ лошадей нагрузили исключительно провизіей, въ виду того, что на протяженіи 180 верстъ не предполагалось встрѣтить ни одного жилого мѣста.

Онорской просѣки, такимъ образомъ, я не видалъ, но могу себѣ болѣе или менѣе ее представить, такъ какъ она считается еще хуже Чха-Пороная. По разсказамъ поселенцевъ, строитель ея, надзиратель Хановъ, имѣя подъ своей командой 800 каторжниковъ, уморилъ почти всѣхъ на работѣ въ тайгѣ; осталось что-то около 10 человѣкъ. Часть онъ лично перестрѣлялъ, что дѣлалъ, говорятъ, за малѣйшее ослушаніе, остальные же погибли отъ лишеній и изнурительныхъ работъ въ болотѣ, при чемъ дороги такъ и не провели, а прорубили только просѣку. За это громкое дѣло, Хановъ былъ преданъ суду, но теперь, кажется. гдѣ-то благодушествуетъ. Какова всетаки должна быть сила воли у этого человѣка, передъ которымъ сотни каторжниковъ положительно трепетали. Впослѣдствіи, изъ разсказовъ товарищей, я узналъ, что на Онорской просѣкѣ они бросили нѣсколькихъ лошадей, окончательно провалившихся въ трясину.

Разставшись со своими спутниками въ Найэро, я вышелъ къ морю въ село Тихменевское, гдѣ на промыслѣ

Крамаренко досталъ семь большихъ лодокъ «кунгасовъ», на которыхъ 7-го Сентября съ 45-тью матросами выступилъ моремъ къ устью рѣки Поронай. На каждый кунгасъ мной былъ назначенъ старшина, на обязанности котораго лежало управленіе большимъ весломъ, замѣнявшимъ руль; на одинъ изъ нихъ попалъ за старшину фельдшеръ, но первый опытъ вышелъ у него неудачнымъ; при входѣ въ рѣку, на барѣ, онъ перевернулъ кунгасъ на сильномъ теченіи, потопилъ часть вещей, да и команда едва выбралась на берегъ.

По рѣкѣ предстояло подыматься около 300 верстъ, что заставило меня остановиться на нѣсколько дней въ Тихменьевскѣ, чтобы выпечь достаточное количество хлѣба и заготовить сухарей. Хлѣбъ былъ bête noire нашего путешествія; мяса всегда было достаточно, такъ какъ на переходы брали живыхъ быковъ, а на всякій случай имѣлись консервы; съ хлѣбомъ же выходили постоянныя задержки: то за отсутствіемъ муки, то за неимѣніемъ печей; положимъ, на нашу команду полагалось 20 пудовъ въ сутки, а въ таежныхъ поселкахъ запасаютъ провизію въ обрѣзъ, тѣмъ болѣе, что никто не разсчитывалъ на наше нашествіе въ числѣ почти 300 человѣкъ.

Къ 10 сентября изготовили необходимое количество провизіи и рано утромъ, въ туманную сырую погоду двинулись вверхъ по рѣкѣ на веслахъ. Къ полдню погода прояснилась, выглянуло солнце и даже непривѣтливая тундра и тайга по берегамъ показались намъ красивыми и уютными. Во время плаванія по рѣкѣ погода намъ все время благопріятствовала, только сентябрь мѣсяцъ давалъ себя знать очень низкою температурой, что было для насъ особенно чувствительно, такъ какъ мы ничего, кромѣ обыкновеннаго верхняго платья, не имѣли.

Нанялъ я трехъ аиновъ-проводниковъ, которые въ первый же день завели кунгасы въ разныя русла и мнѣ только къ вечеру удалось собрать ихъ всѣ вмѣстѣ; на привалѣ выяснился крупный недочетъ въ нашей провизіи:

забыли въ Тихменьевскѣ на берегу мѣшокъ съ солью; хорошо еще, что я прихватилъ съ собой, на случай, если мясо испортится, боченокъ солонины; вскрыли его и нашли на днѣ цѣлыя залежи.

На ночлегъ останавливались въ тайгѣ, выбирая сухія мѣста; изъ вѣтокъ строили себѣ шалаши, а на порогѣ разводили костеръ, такъ какъ по ночамъ начались заморозки; пока горѣлъ костеръ, спали прекрасно, но подъ утро невольно просыпались отъ холода и согрѣвались рубкой дровъ. У меня было съ собой одѣяло, на команду же положительно жалко было смотрѣть: жмутся кругомъ костра, при чемъ одинъ бокъ припекаетъ, а другой продуваетъ холодный осенній вѣтеръ и садится замерзающая роса; тѣмъ не менѣе работали всѣ дружно и весело, понимая, что задержаться по дорогѣ—было равносильно голодной смерти, такъ какъ провизіи взяли съ собой только на 10 дней, а на протяженіи 300 верстъ можно было только при особомъ счастьи, достать немного вяленой рыбы у кочующихъ аиновъ. Постепенно теченіе дѣлалось быстрѣе, что заставило насъ перемѣнить весла на шесты, а въ удобныхъ мѣстахъ высаживать часть людей на берегъ и тянуть кунгасы бичевой.

Чаще стали попадаться отмели, на которыхъ постоянно кто-нибудь останавливался, а болѣе счастливые съ веселыми шутками ихъ обгоняли.

На полпути, въ сторожкѣ, неизвѣстно для чего поставленной, живетъ сторожъ, встрѣтившій насъ хлѣбомъ-солью и поднесшій мнѣ только-что убитаго рябчика; на всѣ мои предложенія денегъ, онъ упорно отказывался, не захотѣлъ даже выпить чарку водки, предпочитая получить отъ меня пригоршни пороха, который тутъ цѣнится на вѣсъ золота, такъ какъ его достать негдѣ, а живутъ поселенцы въ такихъ мѣстахъ исключительно охотой, приносящею прибыль не охотнику, конечно, а какому-нибудь скупщику-кулаку, который даетъ за соболя фунтъ простого табаку, стоимостью въ 50 копѣекъ, а соболя

перепродаетъ по 10—15 рублей. Не говорю про спиртъ; онъ цѣнится тутъ дороже всякаго соболя не только охотникомъ-поселенцемъ, но и туземцами которые съ нашей легкой руки, пьютъ весьма охотно. Весьма странное явленіе эти туземцы: на небольшомъ сравнительно пространствѣ собраны самые разнородные по обычаямъ, языку и вѣрованіямъ, народы: аины, орочены, гиляки и тунгусы; послѣдніе, положимъ, распространяются на материкъ, аины же обитаютъ, весьма въ незначительномъ числѣ, исключительно на Сахалинѣ и представляютъ изъ себя типъ совершенно дикаго человѣка; осѣдлаго жилья почти не имѣютъ, бродятъ по тайгѣ, существуя охотой или мѣстами рыбною ловлей, продавая добычу японцамъ, отсутствіе которыхъ въ годъ войны разорило не мало семей. Одинъ изъ аиновъ-проводниковъ, оказавшійся деревенскимъ старостой изъ Тихменьевска, разсказалъ мнѣ много интереснаго про свой народъ. Письма они совершенно не знаютъ; всѣ обычаи, обряды и религія передаются устно отъ одного поколѣнія другому, а обычаевъ и традицій у нихъ очень много, какъ у всякаго первобытнаго человѣка, знакомаго съ явленіями природы на основаніи однихъ фактовъ, безъ объясненія причинъ. Воровство среди аиновъ случается очень рѣдко и преступника судятъ своимъ судомъ, при чемъ для воровъ существуетъ одно наказаніе: имъ отрубаютъ пальцы правой руки. На мой вопросъ, какое же наказаніе ожидаетъ убійцу, если за воровство преступника постигаетъ такая жестокая кара, старый почтенный аинъ, которому нѣтъ основанія не вѣрить, отвѣтилъ, что такого наказанія не существуетъ, такъ какъ съ сотворенія міра убійства среди аиновъ не бывало. Жаль, что этотъ смирный, тихій, съ такими идеальными взглядами, народъ, съ одной стороны безпощадно эксплоатируется японцами, а съ другой—развращается отъ соприкосновенія съ ссыльными каторжниками.

По мѣрѣ движенія впередъ, рѣка становилась уже и порывистѣе; попадались такія мѣста, передъ которыми

блѣднѣли всѣ разсказы о трудностяхъ путешествія по Поронаю. Мѣстами рѣка превращалась въ водопадъ, вродѣ Иматры въ миніатюрѣ, черезъ который кунгасы перетаскивали волокомъ, поднимая ихъ на полуаршинные уступы отъ одного берега къ другому; на частыхъ поворотахъ, они перекидывались по очереди, при чемъ объ управленіи нечего было и думать; кунгасъ несетъ, какъ щепку и съ размаха бросаетъ на коряги противоположнаго берега, за которыя команда судорожно ухватывается руками и ногами, чтобы только не оторваться; такимъ образомъ, одинъ изъ кунгасовъ, на которомъ команда зазѣвалась, понесло по теченію и его едва удалось задержать въ полуверстѣ ниже.

Посылая меня по рѣкѣ, предполагали, что это будетъ легкое, сравнительно съ тайгой, путешествіе, а потому снабдили меня всѣми больными, какіе только имѣлись въ отрядѣ, главнымъ образомъ со стертыми ногами; думали, что они спокойно будутъ сидѣть и грести; на дѣлѣ же имъ пришлось почти все время тащить кунгасы на себѣ, работая по поясъ въ ледяной водѣ.

14-го Сентября я проснулся рано и пришелъ въ ужасъ, замѣтивъ, что кунгасы кругомъ обмерзли; все было бѣло: шесты, весла, мачты покрылись инеемъ; команда жалась около костра, отогрѣвалась чаемъ. Чтобы согрѣться, рѣшили скорѣе двигаться дальше, но только-что тронулись, какъ попали на перекатъ и пришлось командѣ опять лѣзть въ воду, а солнце еще только стало показываться и не согрѣвало вымокшую, промерзшую, но непрестанно веселую команду. Свалится кто-либо за бортъ, нырнетъ, всѣ смотрятъ съ напряженнымъ вниманіемъ, чѣмъ кончится, но какъ только вылѣзъ человѣкъ благополучно, начинаются остроты и хохотъ несмолкаемый надъ потерпѣвшимъ, который только и ждетъ своей очереди позубоскалить надъ кѣмъ-нибудь.

По береговому крупному песку истрепали совершенно сапоги такъ, что остались одни голенища, а внизу дыра;

обернетъ себѣ такой молодецъ ноги тряпицей, натянетъ свои голенища, какъ они говорятъ: «сапоги смазные—дыры сквозныя, не промокаютъ—только гальки попадаютъ» и идетъ себѣ со стертыми ногами и не жалуется, а надъ собой же подтруниваетъ. У нѣкоторыхъ на стертыхъ мѣстахъ сдѣлались нарывы; тѣ себѣ изъ свѣжей шкуры быка сдѣлали «поршни», работали наравнѣ со всѣми и тутъ находили поводъ посмѣяться, что ихъ въ виду болѣзни послали лечиться на воды, принимать ванны.

Медвѣжьихъ слѣдовъ, попадавшихся въ началѣ рѣки, становилось все больше по мѣрѣ движенія въ глубь Сахалина, но при нашемъ проходѣ стоялъ такой шумъ, трескъ и хохотъ, что всякій медвѣдь, не только трусливый сахалинскій, не выдержалъ бы и убѣжалъ.

Котелъ для варки обѣда и необходимую провизію я посылалъ впередъ на легкомъ аинскомъ челнокѣ, что развивало соревнованіе между кунгасами въ скорости, чтобы первому дойти до привала. Обыкновенно кунгасъ, на которомъ я находился, приходилъ первымъ, но если случайно я гдѣ-либо застревалъ и приходилъ послѣднимъ, то команда разбирала инструменты и встрѣчала меня маршемъ, который дикими звуками разносился по тайгѣ, пугая ея обитателей, отъ сотворенія міра, я думаю, не слыхавшей музыки.

Наконецъ, 17-го сентября мы добрались до знаменитаго завала, которымъ меня пугали еще въ Тихменьевскѣ. Дѣйствительно рѣка, на протяженіи полуверсты, завалена громадными деревьями, нанесенными весенними водами; подъ этимъ препятствіемъ она съ трудомъ пробиваетъ себѣ дорогу, обращаясь въ бурный потокъ. Лѣсу этого изъ года въ годъ накопляется все больше, нижніе слои опускаются и задерживаютъ теченіе; надо ожидать, въ концѣ-концовъ, что рѣка, обозлившись въ дождливое время, прорветъ себѣ новое русло прямо черезъ тайгу.

Способъ переправы меня совершенно удручилъ; говорили, что надо будетъ перетаскивать кунгасы черезъ

«какія-нибудь» 70 сажень, весьма пренебрежительно отзываясь объ этихъ 70-ти саженяхъ. Я и предполагалъ, что препятствіемъ будетъ служить «какой-нибудь» перешеекъ или песчаная коса; подложу, молъ, катки и всю работу кончу въ часъ времени. Между тѣмъ, эти 70 сажень оказались отборными 150-тью, да цѣликомъ по тайгѣ, по оврагамъ и кочкамъ, по просѣкѣ, уже раньше кѣмъ-то сдѣланной, но слишкомъ узкой для нашихъ лодокъ; расширили ее сначала топорами, затѣмъ кунгасы разгрузили и съ «дубинушкой» волочили по лѣсу, опуская ихъ въ воду, чуть не перпендикулярно съ обрывистаго берега; весь грузъ, перетаскали на рукахъ.

Отъ такого обращенія досчатые кунгасы, конечно, потекли и потребовали солиднаго ремонта, однимъ словомъ «часъ времени», въ который я предполагалъ закончить работу, превратился въ цѣлый день, и только къ закату солнца перебрались мы на другую сторону завала, гдѣ и заночевали.

Думаю, что на такую работу способны только матросы: бѣдный солдатикъ, случайно попавшій къ намъ попутчикомъ, чувствовалъ себя совершенно «ни къ чему», когда веселая толпа матросовъ съ пѣснями, криками и грохотомъ волокла по тайгѣ свои лодки, а наши проводники-аины только руками разводили, когда тяжелый намокшій кунгасъ, который, казалось, 30 человѣкъ едва сдвигали съ мѣста, послѣ «дубинушки», съ послѣднимъ «идетъ» вдругъ бросался впередъ и, ныряя на ухабахъ, какъ на волнахъ, летѣлъ по лѣсу, сшибая по дорогѣ мелкія деревья и кустарникъ.

Послѣдній день мы почти все время тащили немного перегруженныя лодки по дну, такъ какъ цѣлую недѣлю не было дождя и рѣка сильно обмелѣла. Подбадривала надежда въ скоромъ времени дойти до поселка, что было необходимо, такъ какъ хлѣбъ и сухари приходили къ концу.

Къ вечеру 19-го сентября показалась первая баба, удившая рыбу на берегу рѣки: команда пришла въ не-

истовый восторгъ, остроты посыпались со всѣхъ сторонъ, но баба оказалась бойкая и въ долгу не оставалась. Эта встрѣча подтвердила близость поселка; и дѣйствительно, къ вечеру мы подошли къ Гродекову, гдѣ пополнили запасы и уже спокойно двинулись дальше.

Оставалось пройти немного, но послѣдній переходъ выдался самымъ неудачнымъ: два кунгаса оторвало на перекатѣ отъ бичевы, понесло, ударило нѣсколько разъ объ берегъ и залило водой; вещи поплыли, люди тоже, хорошо еще, что всѣ благополучно выбрались на берегъ, а вещи выловили въ верстѣ на отмели. Боцмана едва успѣли вытащить изъ-подъ коряги, куда его забило теченіемъ. Вещи, конечно, вымокли, но сушить ихъ не было времени, такъ какъ остальная команда ждала насъ въ селѣ Рыковскомъ; надо было спѣшить на соединеніе и двигаться дальше въ Александровскъ: зима быстро приближалась и являлось опасеніе зазимовать на Сахалинѣ.

Въ селѣ Абрамовка, конечномъ пунктѣ нашего плаванія, я былъ встрѣченъ мѣстнымъ начальствомъ, сообщившимъ, что оно получило предписаніе содѣйствовать всѣми мѣрами нашему скорѣйшему движенію въ Рыковскъ. Наняли подводы, что для 45 человѣкъ было не особенно трудно, такъ какъ поселки въ этихъ мѣстахъ относительно богатые и хозяйственные; поселенцы очень охотно дали своихъ лошадей, при чемъ нѣкоторые вовсе отказывались отъ платы.

Соединившись въ Рыковскѣ, мы уже всѣ вмѣстѣ двинулись дальше, вездѣ встрѣчаемые радушно и съ полнымъ сочувствіемъ.

Въ Александровскѣ, куда мы прибыли 1-го октября, въ нашу честь устроили торжественный обѣдъ и балъ въ декорированномъ залѣ общественнаго собранія, а городъ поднесъ блюдо съ хлѣбомъ-солью. Послѣдніе переходы передъ Александровскомъ мы уже дѣлали въ зимней обстановкѣ; выпалъ снѣгъ и холодный, морозный вѣтеръ подгонялъ отсталавшихъ. Нѣсколько дней промедленія

могли обойтись намъ очень дорого, тѣмъ болѣе, что транспортъ «Тунгузъ», долженствовавшій перевезти насъ на материкъ, уже стоялъ на рейдѣ, нетерпѣливо ожидая нашей посадки и каждую минуту готовъ былъ сняться съ якоря, предполагая свѣжую погоду, которая очень опасна въ Татарскомъ проливѣ у туманныхъ Сахалинскихъ береговъ.

Черезъ нѣсколько дней, уже безъ всякихъ неожиданностей, высадились въ Николаевскѣ на Амурѣ; на пароходѣ «Цесаревичъ» поднялись до Хабаровска, а оттуда по желѣзной дорогѣ выѣхали въ Владивостокъ, куда прибыли 10-го октября, пройдя, такимъ образомъ, 600 съ лишнимъ верстъ по Сахалину въ 45 дней, что для морской, непривычной команды надо считать очень небольшимъ срокомъ, принимая во вниманіе, что у насъ не было ни одного отставшаго или серьезно больного. Объяснить это можно только тою дружною увѣренною работой, къ которой привыкла команда и офицеры «Новика», подъ руководствомъ такихъ командировъ, какъ Эссенъ и Шульцъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. — Ночная минная аттака 26—27 Января 1904 года . 1

Глава II. — Бой 27 Января 1904 года 6

Глава III. — Дѣятельность флота до пріѣзда адмирала Макарова. Брандеры 12

Глава IV. — Пріѣздъ адмирала Макарова, бомбардировки съ моря и гибель «Петропавловска». 21

Глава V. — Взрывъ японскихъ броненосцевъ «Хатцузе» и «Яшима». Гибель «Енисея» и «Боярина» 32

Глава VI. — Обстрѣливаніе японскихъ войскъ съ моря. Выходъ эскадры 10 іюня 40

Глава VII. — Бой 28 іюля 49

Глава VIII. — Конецъ «Новика». 57

Глава IX. — Переходъ черезъ Сахалинъ 67